

80
341

МК

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ.

(ИЗЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ МЕМУАРОВЪ.)

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ, ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 40 коп.

Изданіе и собственность

Ф. СТЕДЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.
Большая Морская, д. Лауферта, № 27, вт С. Петербургъ.

—•••—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

МК XII. А. 7
8

ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ДО СЕГО ВРЕМЕНИ ВЫШЛИ и РАЗДАЮТСЯ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 томы (*),

закрывающіе въ себѣ: полное собраніе сочиненій **Ф. Достоевскаго**, графа **Л. Толстаго**, **А. Писемскаго** и **Вс. Крестовскаго**.

Предпринятое мною изданіе Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ имѣетъ цѣлю—совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабого распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы,—то, для наибольшаго распространенія, издаваемое мною Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ, подобно таковому же заграничному, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, слѣдовательно даетъ возможность на соответственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ приблизительно будетъ простирается до 50.

Вышедшіе доннынѣ девять выпусковъ заключаютъ въ себѣ сочиненія: **Ф. М. Достоевскаго**, въ новомъ, просмотрѣнномъ, передѣланномъ и дополненномъ новыми произведеніями изданій; графа **Л. Н. Толстаго**, **А. Ф. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ* (съ портретомъ автора при

(*) Десятый и одиннадцатый томы печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

80
841

МК

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ.

(ИЗЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ МЕМУАРОВЪ.)

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНИЕ.

Издание и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.

Издатель Ф. Стелловскій, поставщикъ Его Императорскаго Величества. На перекресткѣ Большой Морской и Елизаветинской улицъ, въ С.-Петербургѣ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

МАЛЕНЬКІЙ ТЕРОЙ.

(НАД ПЕРВЫМЪ МІРАТОМЪ)

О. М. СТЕЛЛОВСКАГО

НОВОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ИЗДАВАНІЕ

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 20-го Октября, 1866 г.

Издано и распространено

О. СТЕЛЛОВСКАГО

Издательство Императорскаго Вѣдѣнія

Типографія Императорскаго Вѣдѣнія, № 25, в С.-Петербургѣ

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, На углу Большой Садовой и Екатерингофскаго проспекта, въ домѣ подъ № 2—49, въ С.-Петербургѣ.

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ.

(ИЗЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ МЕМУАРОВЪ.)

Было мнѣ тогда безъ малаго одинадцать лѣтъ. Въ іюль отпустили меня гостить въ подмосковную деревню, къ моему родственнику, Т—ву, къ которому въ то время съѣхалось человѣкъ пятьдесятъ, а можетъ быть и больше, гостей... не помню, не сосчиталъ. Было шумно и весело. Казалось, это былъ праздникъ, который съ тѣмъ и начался, чтобъ никогда не кончиться. Казалось, нашъ хозяинъ далъ себѣ слово какъ можно скорѣе промотать все свое огромное состояніе и, ему удалось-таки недавно оправдать эту догадку, то есть промотать все, до тла, до чиста, до послѣдней щепки. Поминутно наѣзжали новые гости, Москва же была въ двухъ шагахъ, на виду, такъ что уѣзжавшіе только уступали мѣсто другимъ, а праздникъ шель своимъ чередомъ. Увеселенія смѣнялись одни другими, и затѣямъ конца не предвидѣлось. То верховая ѣзда по окрестностямъ, цѣлыми партіями, то прогулки въ боръ или по рѣкѣ: пикники, обѣды въ полѣ; ужины на большой террасѣ дома, обставленной тремя рядами драгоцѣнныхъ цвѣтовъ, заливавшихъ ароматами свѣжій ночной воздухъ, при блестящемъ освѣщеніи, отъ котораго наши дамы, и безъ того почти всѣ до одной хорошенькія, казались еще прелестнѣе съ ихъ одушевленными отъ дневныхъ

впечатлѣній лицами, съ ихъ сверкавшими глазками, съ ихъ перекрестною рѣзвою рѣчью, переливавшеюся звонкимъ, какъ колокольчикъ, смѣхомъ: танцы, музыка, пѣніе; если хмурилось небо, сочинялись живыя картины, шарады, пословицы; устраивался домашній театръ. Явились краснобаи, разсказчики, бонмотисты.

Нѣсколько лицъ рѣзко обрисовалось на первомъ планѣ. Разумѣется, злословіе сплетни шли своимъ чередомъ, такъ какъ безъ нихъ и свѣтъ не стоитъ, и милліоны особъ перемерли бы отъ тоски, какъ мухи. Но такъ какъ мнѣ было одиннадцать лѣтъ, то я и не замѣчалъ тогда этихъ особъ, отвлеченный совсѣмъ другимъ, а если и замѣтилъ что, такъ не все. Послѣ уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая сторона картины могла броситься въ мои дѣтскіе глаза, и это всеобщее одушевленіе, блескъ, шумъ,—все это, доселѣ невиданное и неслыханное мною, такъ поразило меня, что я въ первые дни совсѣмъ растерялся и маленькая голова моя закружилась.

Но я все говорю про свои одиннадцать лѣтъ и, конечно, я былъ ребенокъ, не болѣе какъ ребенокъ. Многія изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ, лаская меня, еще не думали справляться съ моими годами. Но,—странное дѣло! какое-то непонятное мнѣ самому ощущеніе уже овладѣло мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему; но отъ чего оно, подъ часъ, горѣло и билось, будто испуганное, и часто неожиданнымъ румянцемъ обливалось лицо мое. Порой мнѣ какъ-то стыдно и даже обидно было за разныя дѣтскія мои привилегіи. Другой разъ, какъ будто удивленіе одолевало меня, и я уходилъ куда нибудь, гдѣ бы не могли меня видѣть, какъ будто для того, чтобъ перевести духъ.

и что-то припомнить, что-то такое, что до сихъ поръ, казалось мнѣ, я очень хорошо помнилъ и про что теперь вдругъ позабылъ, но безъ чего, однакожь, мнѣ покуда нельзя показаться и никакъ нельзя быть.

То, наконецъ, казалось мнѣ, что я что то за-таилъ отъ всѣхъ, но ни за что и никому не ска-зывалъ объ этомъ, затѣмъ, что стыдно мнѣ, ма-ленькому человѣку, до слезъ. Скоро, среди вихря, меня окружавшаго, почувствовалъ я какое-то оди-ночество. Тутъ были и другія дѣти, но всѣ—или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочемъ, не до нихъ было мнѣ. Конечно, ниче-го бъ и не случилось со мною, еслибъ я не былъ въ исключительномъ положеніи. На глаза всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ я все еще былъ то же маленькое, неопредѣленное существо, которое онѣ подъ часъ любили ласкать и съ которымъ имъ можно было играть, какъ съ маленькой куклой. Особенно одна изъ нихъ, очаровательная блондинка, съ пышными, густѣйшими волосами, какихъ я никогда потомъ не видѣлъ и вѣрно никогда не увижу, ка-залось, поклялась не давать мнѣ покоя. Меня сму-щала, а ее веселилъ смѣхъ, раздававшійся кру-гомъ насъ, который она помпунтно вызывала сво-ими рѣзкими, взбалмошными выходками со мною, что, видно, доставляло ей огромное наслажденіе. Въ пансіонахъ, между подругами, ее навѣрное прозвали бы школьницей. Она была чудно-хороша, и что-то было въ ея красотъ, что такъ и мета-лось въ глаза съ перваго взгляда. И ужъ, конеч-но, она непохожа была на тѣхъ маленькихъ стыд-ливенькихъ блондиночекъ, бѣленькихъ, какъ пу-шекъ, и нѣжныхъ, какъ бѣлая мышки или пастор-скія дочки. Ростомъ она была невысока и немно-го полна, но съ нѣжными, тонкими линіями лица,

очаровательно-нарисованными. Что-то, какъ молнія сверкающее было въ этомъ лицѣ, да и вся она—какъ огонь, живая, быстрая, легкая. Изъ ея большихъ открытыхъ глазъ будто искры сыпались; они сверкали какъ алмазы, и никогда я не промѣняю такихъ голубыхъ, искрометныхъ глазъ ни на какіе черные, будь они чернѣе самаго чернаго андалузскаго взгляда, да и блондинка моя, право, стояла той знаменитой брюнетки, которую воспѣлъ одинъ извѣстный и прекрасный поэтъ, и который еще въ такихъ превосходныхъ стихахъ поклялся всей Кастиліей, что готовъ переломать себѣ кости, если позволять ему только кончикомъ пальца прикоснуться къ мавтильѣ его красавицы. Прибавь къ тому, что *моя* красавица была самая веселая изъ всѣхъ красавицъ въ мірѣ, самая взбалмошная хохотунья, рѣзвая, какъ ребенокъ, несмотря на то, что лѣтъ пять какъ была уже за-мужемъ. Смѣхъ не сходилъ съ ея губъ, свѣжихъ, какъ свѣжа утренняя роза, только что успѣвшая раскрыть, съ первымъ лучомъ солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодныя, крупныя капли росы.

Помню, что на второй день моего пріѣзда былъ устроенъ домашній театръ. Зала была, какъ говорится, набита биткомъ; не было ни одного мѣста свободнаго; а такъ какъ мнѣ привелось почему-то опоздать, то я и принужденъ былъ наслаждаться спектаклемъ стоя. Но веселая игра все болѣе и болѣе тянула меня впередъ и я незамѣтно пробрался до самыхъ первыхъ рядовъ, гдѣ и сталъ; наконецъ, облокотясь на спинку кресель, въ которыхъ сидѣла одна дама. Это была моя блондинка; но мы еще знакомы не были. И вотъ, какъ-то невзначай, засмотрѣлся я на ея чудно-округленныя, соблазнительныя плечи, полныя, бѣлыя, какъ

молочный кипень, хотя мнѣ рѣшительно все равно было смотрѣть: на чудесныя женскія плечи, или на чепецъ съ огненными лентами, скрывавшій сѣдины одной почтенной дамы въ первомъ ряду. Возлѣ блондинки сидѣла перерзѣлая дѣва, одна изъ тѣхъ, которыя, какъ случалось мнѣ потомъ замѣчать, вѣчно ютятся гдѣ нибудь, какъ можно поближе къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, выбирая такихъ, которыя не любятъ гонять отъ себя молодежь. Но не въ томъ дѣло; только эта дѣва подмѣтила мои наблюденія, нагнулась къ сосѣдкѣ и, хихикая, пошептала ей что-то на ухо. Сосѣдка вдругъ обернулась и, помню, что огневые глаза ея такъ свергнули на меня въ полусумракѣ, что я, неприготовленный къ встрѣчѣ, вздрогнулъ, какъ будто обжогшись. Красавица улыbnулась.

— Нравится вамъ, что играютъ? спросила она, лукаво и насмѣшливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Да, отвѣчалъ я, все еще смотря на нее въ какомъ-то удивленіи, которое ей, въ свою очередь, видимо нравилось.

— А зачѣмъ же вы стоите? Такъ—устанете; развѣ вамъ мѣста нѣтъ?

— То-то и есть, что нѣтъ, отвѣчалъ я, на этотъ разъ болѣе занятый заботой, чѣмъ искрометными глазами красавицы, и пресерьезно обрадовавшись, что нашлось наконецъ доброе сердце, которому можно открыть свое горе.—Я ужъ искалъ, да всѣ стулья заняты, прибавилъ я, какъ будто жалуясь ей на то, что всѣ стулья заняты.

— Ступай сюда, живо заговорила она, скорая на всѣ рѣшенія такъ же, какъ и на всякую сумасбродную идею, какая бы ни мелькнула въ взбалмошной ея головѣ:—ступай сюда, ко мнѣ и садись мнѣ на колѣни.

— На колѣни?.. повторилъ я, озадаченный.
Я уже сказалъ, что мои привилегіи серьезно начали меня обижать и совѣстить. Эта, будто на смѣхъ, не въ примѣръ другимъ далеко заходила. Къ тому же я, и безъ того всегда робкій и стыдливый мальчикъ, теперь какъ-то особенно началъ робѣть передъ женщинами, и потому ужасно сконфузился.

— Ну да, на колѣни! Отчего же ты не хочешь сѣсть ко мнѣ на колѣни? настаивала она, начиная смѣяться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, просто принялась хохотать, Богъ знаетъ чему, можетъ быть, своей же выдумкѣ, или обрадовавшись, что я такъ сконфузился. Но ей того-то и нужно было.

Я покраснѣлъ и, въ смущеніи, осматривался кругомъ, принскивая—куда бы уйдти; но она уже предупредила меня, какъ то успѣвъ поймать мою руку, именно для того, чтобъ я не ушелъ, и, прицанувъ ее къ себѣ, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, къ величайшему моему удивленію, пребольно сжала ее въ своихъ шаловливыхъ, горячихъ пальчикахъ и начала ломать мои пальцы, но такъ больно, что я напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не закричать, и при этомъ дѣлалъ пресмѣшныя гримасы. Кромѣ того, я былъ въ ужаснѣйшемъ удивленіи, недоумѣніи, ужасѣ даже, узнавъ, что есть такія смѣшныя и злыя дамы, которыя говорятъ съ мальчиками про такіе пустяки, да еще больно такъ щиплются, Богъ знаетъ за что и при всѣхъ. Вѣроятно, мое несчастное лицо отражало всѣ мои недоумѣнія, потому что шалунья хохотала мнѣ въ глаза, какъ безумная, а между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе щинала и ломала мои бѣдные пальцы. Она была виѣ себя отъ восторга, что удалось-таки нашкольничать, сконфузить бѣднаго мальчика и

замистицировать его въ прахъ. Положеніе мое было отчаянное. Во-первыхъ, я горѣлъ отъ стыда, потому что почти всѣ кругомъ насъ оборотились къ намъ, одни въ недоумѣніи, другіе со смѣхомъ, съ-разу понявъ, что красавица что нибудь напроказила. Кромѣ того, мнѣ страхъ какъ хотѣлось кричать, потому что она ломала мои пальцы съ какимъ-то ожесточеніемъ, именно за то, что я не кричу: а я, какъ спартанецъ, рѣшился выдерживать боль, боясь надѣлать крикомъ суматоху, послѣ которой, ужъ не знаю, что бы случилось со мною. Въ припадкѣ совершеннаго отчаянія, началъ я наконецъ борьбу и принялся изъ всѣхъ силъ тянуть къ себѣ свою собственную руку, но тиранка моя была гораздо меня сильнѣе. Наконецъ я не выдержалъ, вскрикнулъ, — того только и ждала! Мигомъ она бросила меня и отвернулась, какъ ни въ чемъ не бывала, какъ будто и не она напроказила, а кто другой, ну точь въ точь какой нибудь школьникъ, который, чуть отвернулся учитель, уже успѣлъ напроказить гдѣ нибудь по сосѣдству, щипнуть какого нибудь крошечнаго слабосильнаго мальчика, дать ему щелчка, пинка, подтолкнуть ему локоть и мигомъ опять повернуться, поправиться, уткнувшись въ книгу, начать долбить свой урокъ и, такимъ образомъ, оставить разгнѣваннаго господина учителя, бросившагося, подобно ястребу, на шумъ, — съ предлиннымъ и неожиданнымъ восомъ.

Но, къ моему счастью, общее вниманіе увлечено было въ эту минуту мастерской игрой нашего хозяина, который исполнялъ въ игравшейся пьескѣ, какой-то скрибовской комедіи, главную роль. Всѣ зашлуподировали; я, подъ шумокъ, скользнулъ изъ ряда и забѣжалъ на самый конецъ залы, въ противоположный уголъ, откуда, притаясь за ко-

лонной, съ ужасомъ смотрѣль туда, гдѣ сидѣла коварная красавица. Она все еще хохотала, закрывъ платкомъ свои губки. И долго еще она обращивалась назадъ, выглядывая меня по всѣмъ угламъ,—вѣроятно, очень жалѣя, что такъ скоро кончилась наша сумасбродная схватка, и придумывая, какъ бы еще что нибудь напроказить.

Этимъ началось наше знакомство и съ этого вечера она уже не отставала отъ меня ни на шагъ. Она преслѣдовала меня безъ мѣры и совѣсти, сдѣлалась гонительницей, тиранкой моей. Весь комизмъ ея продѣлокъ со мной заключался въ томъ, что она сказалась влюбленною въ меня по уши и рѣзала меня при всѣхъ. Разумѣется, мнѣ, прямому дикарю, все это до слезъ было тяжело и досадно, такъ что я уже нѣсколько разъ былъ въ такомъ серьезномъ и критическомъ положеніи, что готовъ былъ подраться съ моей коварной обожательницей. Мое наивное смущеніе, моя отчаянная тоска какъ будто окрыляли ее преслѣдовать меня до конца. Она не знала жалости, а я не зналъ—буда отъ нея дѣваться. Смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, и который она умѣла-таки вызвать, только поджигалъ ее на новыя шалости. Но стали, наконецъ, находить ея шутки немного слишкомъ далекими. Да и въ правду, какъ пришлось теперь вспомнить, она уже чрезчуръ позволяла себѣ съ такимъ ребенкомъ, какъ я.

Но ужъ такой былъ характеръ; была она, по всей формѣ, баловница. Я слышалъ потомъ, что избаловалъ ее всего болѣе ея же собственный мужъ, очень толстенькій, очень невысокій и очень красивый человекъ, очень богатый и очень дѣловой, по крайней мѣрѣ съ виду: вертлявый, хлопотливый, онъ двухъ часовъ не могъ прожить на одномъ мѣстѣ. Каждый день ѣздилъ онъ отъ насъ въ Мо-

сбву, иногда по два раза и все, какъ самъ увѣ-
рялъ, по дѣламъ. Веселѣе и добродушнѣе этой
комической и, между тѣмъ, всегда порядочной фи-
зиономіи, трудно было сыскать. Онъ, мало того
что любилъ жену до слабости, до жалости,—онъ,
просто поклонялся ей, какъ идолу.

Онъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Друзей и по-
другъ у ней было множество. Во-первыхъ, ее мало
кто не любилъ, а во-вторыхъ—вѣтренница и сама
была не слишкомъ разборчива въ выборѣ друзей
своихъ, хотя въ основѣ ея характера было гораздо
болѣе серьезнаго, чѣмъ сколько можно предполо-
жить, судя по тому, что я теперь рассказалъ. Но
изъ всѣхъ подругъ своихъ, она всѣхъ больше лю-
била и отличала одну молодую даму, свою даль-
нюю родственницу, которая теперь тоже была въ
нашемъ обществѣ. Между ними была какая-то нѣж-
ная, утонченная связь, одна изъ тѣхъ связей, ко-
торыя зараждаются иногда при встрѣчѣ двухъ
характеровъ, часто совершенно противоположныхъ
другъ другу, но изъ которыхъ одинъ и строже, и
глубже, и чище другаго, тогда какъ другой, съ
высокимъ смиреніемъ и съ благороднымъ чувствомъ
самооцѣнки, любовно подчиняется ему, почувство-
вавъ все превосходство его надъ собою, и, какъ
счастье, заключаетъ въ сердцѣ своемъ его дружбу.
Тогда-то начинается эта нѣжная и благородная
утонченность въ отношеніяхъ такихъ характеровъ:
любовь и снисхожденіе до конца съ одной сто-
роны, любовь и уваженіе съ другой, уваженіе, до-
ходящее до какого-то страха, до боязни за себя
въ глазахъ того, кѣмъ такъ высоко дорожишь, и
до ревниваго, жаднаго желанія съ каждымъ ша-
гомъ въ жизни все ближе и ближе подходить къ
его сердцу. Обѣ подруги были однихъ лѣтъ, но
между ними была неизмѣримая разница во всемъ,

начиная съ красоты. М-ше М* была тоже очень хороша собой, но въ красотѣ ея было что-то особенное, рѣзко отдѣлявшее ее отъ толпы хорошенькихъ женщинъ; было что-то въ лицѣ ея, что тотчасъ же неотразимо влекло къ себѣ все симпатіи, или, лучше сказать, что пробуждало благородную, возвышенную симпатію въ томъ, кто встрѣчалъ ее. Есть такія счастливыя лица. Возлѣ нея всякому становилось какъ-то лучше, какъ-то свободнѣе, какъ-то теплѣе, и, однакожь, ея грустные, большіе глаза, полные огня и силы, смотрѣли робко и безпокойно, будто подъ ежеминутнымъ страхомъ чего-то враждебнаго и грознаго, и эта странная робость такимъ уныніемъ покрывала подчасъ ея тихія, кроткія черты, напоминавшія свѣтлыя лица итальянскихъ мадоннъ, что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль. Это блѣдное похудѣвшее лицо, въ которомъ, сквозь безукоризненную красоту чистыхъ, правильныхъ линий и унылую суровость глухой, затаенной тоски, еще такъ часто просвѣчивалъ первоначальный дѣтски-ясный обликъ, — образъ еще недавнихъ довѣрчивыхъ лѣтъ и, можетъ быть, наивнаго счастья; эта тихая, но несмѣлая, колебавшаяся улыбка, — все это поражало такимъ безотчетнымъ участіемъ къ этой женщинѣ, что въ сердцѣ каждаго невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще издали, и еще въ-чужѣ роднила съ нею. Но красавица казалась какъ-то молчаливою, скрытною, хотя, конечно, не было существа болѣе внимательнаго и любящаго, когда кому нибудь надобилось сочувствіе. Есть женщины, которыя точно сестры милосердія въ жизни. Передъ ними можно ничего не скрывать, по крайней мѣрѣ ничего, что есть больнаго и уязвленнаго въ душѣ. Кто страж-

детъ, тотъ смѣло и съ надеждой иди къ нимъ и не бойся быть въ тягость, затѣмъ, что рѣдкій изъ насъ знаетъ, на сколько можетъ быть безконечно-терпѣливой любви, состраданія и всепрощенія въ иномъ женскомъ сердцѣ. Цѣлыя сокровища симпатій, утѣшенія, надежды хранятся въ этихъ чистыхъ сердцахъ, такъ часто тоже уязвленныхъ, потому что сердце, которое много любитъ, много груститъ, но гдѣ рана бережливо закрыта отъ любопытнаго взгляда, затѣмъ, что глубокое горе всего чаще молчитъ и таится. Ихъ же не испугаетъ ни глубина раны, ни гной ея, ни смрадъ ея: кто къ нимъ подходитъ, тотъ ужь ихъ достоинъ; да онѣ, впрочемъ, какъ будто и рождаются на подвигъ... М-ше М* была высока ростомъ, гибка и стройна, но нѣсколько тонка. Всѣ движенія ея были какъ-то неровны, то медленны, плавны и даже какъ-то важны, то дѣтски скоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то робкое смиреніе проглядывало въ ея жестѣ, что-то какъ будто трепещущее и незащищенное, но никого непросившее и немолившее о защитѣ.

Я уже сказалъ, что непохвальныя притязанія коварной блондинки стыдили меня, рѣзали меня, язвили меня до крови. Но этому была еще причина тайная, странная, глухая, которую я тайлъ, за которую дрожалъ, какъ кашей, и даже при одной мысли о ней, одинъ на одинъ съ опрокинутой моей головою, гдѣ нибудь въ таинственномъ, темномъ углу, куда не досягалъ инквизиторскій, насмѣшливый взглядъ никакой голубоокой плутовки, при одной мысли объ этомъ предметѣ я чуть не задыхался отъ смущенія, стыда и боязни,—словомъ, я былъ влюбленъ, то-есть, положимъ, что я сказалъ вздоръ: этого быть не могло; но отчего же изъ всѣхъ лицъ, меня окружавшихъ, только одно лицо уловлялось моимъ вниманіемъ? Отчего

только за нею я любилъ слѣдить взглядомъ, хотя мнѣ рѣшительно не до того было тогда, чтобъ выглядывать дамъ и знакомиться съ ними? Случалось это всего чаще по вечерамъ, когда ненастье запирало всѣхъ въ комнаты и когда я, одиноко притаясь гдѣнибудь въ углу залы, безпредметно глазѣлъ по сторонамъ, рѣшительно не находя никакого другаго занятія, потому что со мной, исключая моихъ гонительницъ, рѣдко кто говорилъ, и было мнѣ въ такіе вечера нестерпимо скучно. Тогда всматривался я въ окружавшія меня лица, вслушивался въ разговоръ, въ которомъ часто непонималъ ни слова, и вотъ въ это-то время тихіе взгляды, кроткая улыбка и прекрасное лицо м-ше М* (потому что это была она), Богъ знаетъ почему уловлялись моимъ зачарованнымъ вниманіемъ, и ужъ не изглаживалось это странное, неопредѣленное, но непостижимо сладкое впечатлѣніе мое. Часто по цѣлымъ часамъ я какъ будто ужъ и не могъ отъ нея оторваться; я заучилъ каждый жестъ, каждое движеніе ея, вслушался въ каждую вибрацію густаго, серебристаго, но нѣсколько заглушеннаго голоса и,—странное дѣло! изъ всѣхъ наблюденій своихъ вынесъ, вмѣстѣ съ робкимъ и сладкимъ впечатлѣніемъ, какое-то непостижимое любопытство. Похоже было на то, какъ будто я допытывался какой-нибудь тайны...

Всего мучительнѣе для меня были насмѣшки въ присутствіи м-ше М*. Эти насмѣшки и комическія гоненія, по моимъ понятіямъ, даже унижали меня. И когда, случалось, раздавался общій смѣхъ на мой счетъ, въ которомъ даже м-ше М* иногда невольна принимала участіе, тогда я, въ отчаяніи, вѣ себя отъ горя, вырывался отъ своихъ тирановъ и убѣгалъ на верхъ, гдѣ и дичалъ остальную часть дня, не смѣя показать своего лица въ

залъ. Впрочемъ, я и самъ еще не понималъ ни своего стыда, ни волненія; весь процессъ переживался во мнѣ бессознательно. Съ т-ше М* я почти не сказалъ еще и двухъ словъ, да и, конечно, не рѣшился бы на это. Но вотъ, однажды вечеромъ, послѣ несноснѣйшаго для меня дня, отсталъ я отъ другихъ на прогулкѣ, ужасно усталъ и пробирался домой черезъ садъ. На одной скамьѣ, въ уединенной аллеѣ, увидѣлъ я т-ше М*. Она сидѣла одна-одинехонька, какъ будто нарочно выбравъ такое уединенное мѣсто, склонивъ голову на грудь и машинально перебирая въ рукахъ платокъ. Она была въ такой задумчивости, что и не слыхала, какъ я съ ней поровнялся.

Замѣтивъ меня, она быстро поднялась со скамьи, отвернувшись и, я увидѣлъ, на-скоро отерла глаза платкомъ. Она плакала. Осушивъ глаза, она улыбнулась мнѣ и пошла вмѣстѣ со мною домой. Уже не помню, о чемъ мы съ ней говорили; но она поминутно отсылала меня, подъ разными предлогами: то просила сорвать ей цвѣтокъ, то посмотреть, кто ѣдетъ верхомъ по сосѣдней аллеѣ. И когда я отходилъ отъ нея, она тотчасъ же опять подносила платокъ къ глазамъ своимъ и утирала непослушныя слезы, которыя никакъ не хотѣли покинуть ее, все вновь и вновь накипали въ сердцѣ и все лились изъ ея бѣдныхъ глазъ. Я понималъ, что, видно, я ей очень въ тягость, когда она такъ часто меня отсылаетъ, да и сама она уже видѣла, что я все замѣтилъ, но только не могла удержаться, и это меня еще болѣе за нее надрывало. Я злился на себя, въ эту минуту, почти до отчаянія, проклиналъ себя за неловкость и не находчивость, и все-таки не зналъ, какъ ловче отстать отъ нея, не выказавъ, что замѣтилъ ея горе, но шель рядомъ съ нею, въ грустномъ изумленіи,

даже въ испугѣ, совсѣмъ растерявшись и рѣшительно не находя ниодного слова для поддержки оскудѣвшаго нашего разговора.

Эта встрѣча такъ поразила меня, что я весь вечеръ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ потихоньку за м-ше М* и не спускалъ съ нея глазъ. Но случилось такъ, что она два раза застала меня врасплохъ, среди моихъ наблюдений, и во второй разъ, замѣтивъ меня, улыбнулась. Это была ея единственная улыбка за весь вечеръ. Грусть еще не сходила съ лица ея, которое было теперь очень блѣдно. Все время она тихо разговаривала съ одной пожилой дамой, злой и сварливой старухой, которой никто не любилъ за шпiонство и сиплетни, но которой всѣ боялись, а потому и принуждены были всячески угождать ей, волей-неволей...

Часовъ въ десять пріѣхалъ мужъ м-ше М*. До сихъ поръ я наблюдалъ за ней очень пристально, не отрывая глазъ отъ ея грустнаго лица; теперь же, при неожиданномъ входѣ мужа, я видѣлъ, какъ она вся вздрогнула, и лицо ея, и безъ того уже блѣдное, сдѣлалось вдругъ бѣлѣе платка. Это было такъ примѣтно, что и другіе замѣтили: я разслышалъ въ сторонѣ отрывочный разговоръ, изъ котораго кое-какъ догадался, что бѣдной м-ше М* не совсѣмъ хорошо. Говорили, что мужъ ея ревнивъ, какъ арапъ, не изъ любви, а изъ самолюбія. Прежде всего это былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ обращенками новыхъ идей и тщеславящійся своими идеями. Съ виду это былъ черноволосый, высокій и особенно плотный господинъ, съ европейскими бакенбардами, съ самодовольнымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми, какъ сахаръ, зубами и съ безукоризненной джентльменской осанкой. Называли его *умнымъ человекомъ*.

Такъ въ нѣкихъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человѣчества, которая ровно ничего не дѣлаетъ, которая ровно ничего не хочетъ дѣлать и у которой, стѣвѣчной лѣности и ничего недѣланія, вмѣсто сердца кусокъ жира. Отъ нихъ же поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать вслѣдствіе какихъ-то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя «утомляютъ ихъ геній» и что на нихъ, поэтому, «грустно смотрѣть». Это ужъ у нихъ такая пышная фраза, ихъ *mot d'ordre*, ихъ пароль и лозунгъ, фраза, которую мои сытые толстяки расточаютъ вездѣ поминутно, что уже давно начинаетъ надоѣдать, какъ отъявленное тартюфство и пустое слово. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ забавниковъ, никакъ немогущихъ найти, что имъ дѣлать, чего, впрочемъ, никогда и не искали они, именно на то мѣтятъ, чтобъ всѣ думали, что у нихъ, вмѣсто сердца, не жиръ, а, напротивъ, говоря вообще, что-то *очень-глубокое*, но что именно, — объ этомъ не сказалъ бы ничего самый первѣйшій хирургъ, конечно, изъ учтивости. Эти господа тѣмъ и пробиваются на свѣтъ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство, самое близорукое осужденіе и безмѣрную гордость. Такъ какъ имъ нечего больше дѣлать, какъ подмѣчать и затверживать чужія ошибки и слабости, и такъ какъ въ нихъ добраго чувства ровнешенько на столько, сколько дано его въ удѣлъ устрицъ, то имъ и нетрудно, при такихъ предохранительныхъ средствахъ, прожить съ людьми довольно осмотрительно. Этимъ они чрезмѣрно тщеславятся. Они, напримѣръ, почти увѣрены, что у нихъ чуть ли не весь міръ на оброкъ; что онъ у нихъ, какъ устрица, которую они берутъ про запасъ; что всѣ, кромѣ ихъ, дураки; что всякъ похожъ на апельсинъ или

на губку, которую они, нѣтъ-нѣтъ, да и выжмутъ, пока сокъ надобится; что они всему хозяева и что весь этотъ похвальный порядокъ вещей происходитъ именно отъ того, что они такіе умные и характерные люди. Въ своей безмѣрной гордости, они не допускаютъ въ себѣ недостатковъ. Они похожи на ту породу житейскихъ плутовъ, прирожденныхъ тартюфовъ и фальстафовъ, которые до того заплутовались, что, наконецъ, и сами увѣрились, что такъ и должно тому быть, то-есть, чтобъ жить имъ, да плутовать; до того часто увѣряли всѣхъ, что они честные люди, что, наконецъ, и сами увѣрились, будто они дѣйствительно честные люди и что ихъ плутовство-то и есть честное дѣло. Для совѣстнаго внутренняго суда, для благородной самооцѣнки ихъ никогда не хватаетъ; для иныхъ вещей они слишкомъ толсты. На первомъ планѣ у нихъ всегда и во всемъ ихъ собственная золотая особа, ихъ Молохъ и Вааль, ихъ великолѣпное я. Вся природа, весь міръ для нихъ не болѣе, какъ одно великолѣпное зеркало, которое и создано для того, чтобъ мой божокъ непрерывно въ него на себя любовался и изъ-за себя никого и ничего не видѣлъ; послѣ этого и не мудрено, что все на свѣтѣ видитъ онъ въ такомъ безобразномъ видѣ. На все у него припасена готовая фраза и— что, однакъжъ, верхъ ловкости съ ихъ стороны— самая модная фраза. Даже они-то и способствуютъ этой модѣ, голословно распространяя по всѣмъ перекресткамъ ту мысль, которой почуютъ успѣхъ. Именно у нихъ есть чутье, чтобъ пронюхать такую модную фразу и раньше другихъ усвоить ее себѣ, такъ, что какъ будто она отъ нихъ и пошла. Особенно же запасаются они своими фразами на изъявленіе своей глубочайшей симпатіи къ чело-вѣчеству, на опредѣленіе, что такое самая пра-

вильная и оправданная разсудкомъ филантропія, и наконецъ, чтобъ безостановочно карать романтизмъ, то-есть, зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой породы. Но грубо не узнають они истинны въ уклоненной, переходной и неготовой формѣ, и отталкивають все, что еще не поспѣло, не устоялось и бродить. Упитанный человѣкъ всю жизнь прожилъ навеселѣ, на всемъ готовомъ, самъ ничего не сдѣлалъ и не знаетъ, какъ трудно всякое дѣло дѣлается, а потому бѣда какой нибудь шероховатостью задѣть его жирныя чувства: за это онъ никогда не простить, всегда припомнить и отомстить съ наслажденіемъ. Итогъ всему выйдетъ, что мой геръ и есть, не болѣе—не менѣе, какъ исполинскій, до-нельзя раздутый мѣшокъ, полный сен-тенцій, модныхъ фразъ и ярлыковъ всехъ родовъ и сортовъ.

Но, впрочемъ, м-г М* имѣлъ и особенность, былъ человѣкъ примѣчательный: это былъ острякъ, говорунъ и разскащикъ, и въ гостинныхъ кругомъ него всегда собирался кружокъ. Въ тотъ вечеръ особенно ему удалось произвести впечатлѣніе. Онъ овладѣлъ разговоромъ; онъ былъ въ ударѣ, весель, чему-то радъ и заставилъ-таки всехъ глядѣть на себя. Но м-ме М* все время была какъ больная; лицо ея было такое грустное, что мнѣ поминутно казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ задрожать на ея длинныхъ рѣсницахъ давешнія слезы. Все это, какъ я сказала, поразило и удивило меня чрезвычайно. Я ушелъ съ чувствомъ какого-то страннаго любопытства, и всю ночь снился мнѣ м-г М*, тогда какъ до тѣхъ поръ я рѣдко видывалъ безобразные сны.

На другой день, рано поутру, позвали меня на репетитцію живыхъ картинъ, въ которыхъ и у меня

была роль. Живыя картины, театр и потомъ балъ,—все въ одинъ вечеръ, назначались не далѣе, какъ дней черезъ пять, по случаю домашняго праздника,—дня рожденія младшей дочери нашего хозяина. На праздникъ этотъ, почти импровизированный, приглашены были изъ Москвы и изъ окрестныхъ дачъ, еще человекъ сто гостей, такъ что много было и возни, и хлопотъ, и суматохи. Репетиціи, или, лучше сказать, смотръ костюмовъ, назначены были не въ-время, поутру, потому-то нашъ режиссёръ, извѣстный художникъ Р*, пріятель и гость нашего хозяина, по дружбѣ къ нему согласившійся взять на себя сочиненіе и постановку картинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу выучку, сѣлились теперь въ городъ для закупокъ по бутафорской части и для окончательныхъ заготовленій къ празднику, такъ что времени терять было некогда. Я участвовалъ въ одной картинѣ, вдвоемъ съ м-ше М*. Картина выражала сцену изъ средневѣковой жизни и называлась: «Госпожа замка и ея пажъ».

Я почувствовалъ неизъяснимое смущеніе, сошедшій съ м-ше М* на репетиціи. Мнѣ такъ и казалось, что она тотчасъ же вычитаетъ изъ глазъ моихъ всѣ думы, сомнѣнія, догадки, зародившіяся со вчерашняго дня въ головѣ моей. Къ тому же мнѣ все казалось, что я какъ будто бы виноватъ предъ нею, заставъ вчера ея слезы и помѣшавъ ея горю, такъ что она по-неволѣ должна будетъ коситься на меня, какъ на непріятнаго свидѣтеля и непрощенаго участника ея тайны. Но, слава Богу, дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ: меня просто не замѣтили. Ей, кажется, было вовсе не до меня и не до репетиціи: она была разсѣяна, грустна и мрачно-задумчива; видно было, что ее мучила какая-то большая забота. Покончивъ съ моею

ролью, а побѣжалъ переодѣться и черезъ десять минутъ вышелъ на террасу въ садъ. Почти въ тоже время изъ другихъ дверей вышла и m-me M*, и, какъ разъ намъ напротивъ, появился самодовольный супругъ ея, который возвращался изъ сада, только что проводивъ туда цѣлую группу дамъ, и тамъ успѣвъ сдать ихъ, съ рукъ на руки, какому-то досужему cavalier servant. Встрѣча мужа и жены очевидно была неожиданна. M-me M*, неизвестно почему-то, вдругъ смутилась и легкая досада промелькнула въ ея нетерпѣливомъ движеніи. Супругъ, безпечно насвистывавшій арію и во всю дорогу глубокомысленно охорашивавшій свои бакенбарды, теперь, при встрѣчѣ съ женою, нахмурился и оглядѣлъ ее, какъ припоминаю теперь, рѣшительно инквизиторскимъ взглядомъ.

— Вы въ садъ? спросилъ онъ, замѣтивъ ombrelle и книгу въ рукахъ жены.

— Нѣтъ, въ рощу, отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

— Однѣ?

— Съ нимъ... проговорила m-me M*, указавъ на меня.— Я гуляю поутру одна, прибавила она какимъ-то неровнымъ, неопредѣленнымъ голосомъ, точно такимъ, когда лгутъ первый разъ въ жизни.

— Гмъ... А я только что проводилъ туда цѣлую компанію. Тамъ все собираются у цвѣточной бесѣдки, провожать Н—го. Онъ ѣдетъ, вы знаете... у него какая-то бѣда случилась тамъ, въ Одессѣ... Ваша кузина (онъ говорилъ о блондинкѣ) и смѣется, и чуть не плачетъ, все разомъ, не разберешь ее. Она мнѣ, впрочемъ, сказала, что вы за что-то сердиты на Н—го и потому не пошли его провожать. Конечно вздоръ?

— Она смѣется, отвѣчала m-me M*, сходя со ступенекъ террасы.

— Такъ это вашъ каждодневный cavalier servant? прибавилъ m-г М., скрививъ ротъ и наведя на меня свой лорнетъ.

— Пажъ! закричалъ я, разсердившись за лорнетъ и насмѣшку и, захохотавъ ему прямо въ лицо, разомъ перепрыгнулъ три ступеньки террасы...

— Счастливыи путь! пробормоталъ m-г М* и пошелъ своею дорогой.

Конечно, я тотчасъ же подошелъ къ m-me М*, какъ только она указала на меня мужу, и глядѣлъ такъ, какъ будто она меня уже цѣлый часъ назадъ пригласила и какъ будто я уже цѣлый мѣсяцъ ходилъ съ ней гулять по утрамъ. Но я никакъ не могъ разобрать: зачѣмъ она такъ смутилась, сконфузилась и что такое было у ней на умѣ, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ своей маленькой лжи? Зачѣмъ она просто не сказала, что идетъ одна? Теперь я не зналъ какъ и глядѣть на нее; но, пораженный удивленіемъ, я, однакожь, пренаивно началъ по-маленьку заглядывать ей въ лицо; но также, какъ и часъ назадъ, на решетиціи, она не примѣчала ни подглядываній, ни нѣмыхъ вопросовъ моихъ. Все та же мучительная забота, но еще явственнѣе, еще глубже, чѣмъ тогда, отражалась въ ея лицѣ, въ ея волненіи, въ походкѣ. Она спѣшила куда-то, все болѣе и болѣе ускоряя шагъ, и съ беспокойствомъ заглядывала въ каждую аллею, въ каждую просѣку роши, оборачиваясь къ сторонѣ сада. И я тоже ожидалъ чего-то. Вдругъ за нами раздался лошадиный топотъ. Это была цѣлая кавалькада наѣздницъ и всадниковъ, провожавшихъ того Н—го, который такъ внезапно покидалъ наше общество.

Между дамами была и моя блондинка, про которую говорилъ m-г М*, рассказывая о слезахъ

ея. Но, по своему обыкновенію, она хохотала, какъ ребенокъ, и рѣзво скакала на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ. Поровнявшись съ нами, Н—й снялъ шляпу, но не остановился и не сказалъ съ т-ше М* ни слова. Скоро вся ватага исчезла изъ глазъ. Я взглянулъ на т-ше М* и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: она стояла блѣдная, какъ платокъ, и крупныя слезы пробивались изъ глазъ ея. Случайно наши взгляды встрѣтились: т-ше М* вдругъ покраснѣла, на мигъ отвернулась, и безпокойство и досада ясно замелькали на лицѣ ея. Я былъ лишній, хуже, чѣмъ вчера,—это яснѣе дня, но куда мнѣ дѣваться?

Вдругъ т-ше М*, какъ будто догадавшись, развернула книгу, которая была у нея въ рукахъ, и закраснѣвшись, очевидно, стараясь не смотрѣть на меня, сказала, какъ будто сейчасъ только спохватилась:

— Ахъ! это вторая часть, я ошиблась; пожалуйста принеси мнѣ первую.

Какъ не понять! моя роль кончилась и нельзя было прогнать меня по болѣе прямой дорогѣ.

Я убѣждалъ съ ея книгой, и не возвращался. Первая часть преспокойно пролежала на столѣ это утро...

Но я былъ самъ не свой; у меня билось сердце, какъ будто въ безпрерывномъ испугѣ. Всѣми силами старался я какъ-нибудь не повстрѣчать т-ше М*. За-то я съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ глядѣлъ на самодовольную особу т-г М*, какъ будто въ немъ теперь непременно должно было быть что-то особенное. Рѣшительно непонимаю, что было въ этомъ комическомъ любопытствѣ моемъ; помню только, что я былъ въ какомъ-то странномъ удивленіи отъ всего, что привелось мнѣ увидѣть въ это утро. Но мой день только

что начинался и для меня онъ былъ обилень про-
ншествованіями.

Обѣдали на этотъ разъ очень рано. Къ вечеру
назначена была общая увеселительная поѣздка въ
сосѣднее село, на случившійся тамъ деревенскій
праздникъ, и потому нужно было время, чтобъ
приготовиться. Я ужъ за три дня мечталъ объ этой
поѣздкѣ, сжидая бездну веселья. Пить кофе почти
всѣ собрались на террасѣ. Я осторожно пробрался
за другими и спрятался за тройнымъ рядомъ кре-
сель. Меня влекло любопытство, и между тѣмъ я
ни за что не хотѣлъ показаться на глаза т-те
М*. Но случаю угодно было помѣстить меня не-
далеко отъ моей гонительницы-блондинки. На этотъ
разъ съ ней приключилось чудо, невозможное дѣ-
ло: она вдвое похорошѣла. Ужъ не знаю, какъ и
отчего это дѣлается, но съ женщинами такія чу-
деса бывають даже нерѣдко. Межь нами въ эту
минуту былъ новый гость, высокій, блѣднолицый
молодой человекъ, записной поклонникъ нашей
блондинки, только пріѣхавшій къ намъ изъ Мос-
квы, какъ будто нарочно за тѣмъ, чтобъ замѣнить
собою отбывшаго Н—го, про котораго шла молва,
что онъ отчаянно влюбленъ въ нашу красавицу.
Чтожъ касается пріѣзжаго, то онъ ужъ издавна
былъ съ нею въ такихъ же точно отношеніяхъ,
какъ Бенедиктъ къ Беатриче въ шекспировскомъ:
«Много шума изъ пустяковъ». Короче, наша краса-
вица въ этотъ день была въ чрезвычайномъ успѣ-
хѣ. Ея шутки и болтовня были такъ граціозны,
такъ довѣрчиво-наивны, такъ прощительно-неосто-
рожны; она съ такою граціозною самонадѣянно-
стію была увѣрена во всеобщемъ восторгѣ, что
дѣйствительно все время была въ какомъ-то осо-
бенномъ поклоненіи. Вокругъ нея не разрывался
тѣсный кружокъ удивленныхъ, залюбовавшихся на

нее слушателей, и никогда еще не была она такъ обольстительна. Всякое слово ея было въ соблазнъ и въ диковинку, ловилось, передавалось въ круговую, и ни одна шутка ея, ни одна выходка не пропала даромъ. Отъ нея, кажется, и не ожидалъ никто столько вкуса, блеска, ума. Всѣ лучшія качества ея повседневно были погребены въ самомъ своевольномъ сумасбродствѣ, въ самомъ упрямомъ школьничествѣ, доходившемъ чуть ли не до шутовства; ихъ рѣдко кто замѣчалъ; а если замѣчалъ, такъ не вѣрилъ имъ, такъ что теперь необыкновенный успѣхъ ея встрѣченъ былъ всеобщимъ страстнымъ шопотомъ изумленія.

Впрочемъ, этому успѣху содѣйствовало одно особенное, довольно щекотливое обстоятельство, по крайней мѣрѣ, судя по той роли, которую игралъ въ то же время мужъ т-ше М*. Проказница рѣшилась—и, нужно прибавить: почти ко всеобщему удовольствію, или, по крайней мѣрѣ, къ удовольствію всей молодёжи—ожесточенно атаковать его, вслѣдствіе многихъ причинъ, вѣроятно, очень важныхъ на ея глаза. Она завела съ нимъ цѣлую перестрѣлку остротъ, насмѣшекъ, сарказмовъ самыхъ неотразимыхъ и скользкихъ, самыхъ коварныхъ, замкнутыхъ и гладкихъ со всѣхъ сторонъ, такихъ, которые бьютъ прямо въ цѣль, но въ которыхъ ни съ одной стороны нельзя прицѣпиться для отпора и которые только истощаютъ въ бесплодныхъ усиліяхъ жертву, доводя ее до бѣшенства и до самого комическаго отчаянія.

Навѣрно не знаю, но, кажется, вся эта выходка была преднамѣренная, а не импровизированная. Еще за обѣдомъ начался этотъ отчаянный поединокъ. Я говорю «отчаянный», потому что т-г М* нескоро положилъ оружіе. Ему нужно было собратъ все присутствіе духа, все остроуміе, всю свою

рѣдкую находчивость, чтобъ не быть разбитымъ въ прахъ, на-голову и не покрыться рѣшительнымъ безславіемъ. Дѣло шло при непрерывномъ и не-удержимомъ смѣхѣ всѣхъ свидѣтелей и участниковъ боя. По крайней мѣрѣ сегодня непохоже было для него на вчера. Примѣтно было, что т-те М* нѣсколько разъ порывалась остановить своего неосторожнаго друга, которому, въ свою очередь, непременно хотѣлось нарядить ревниваго мужа въ самый шутовской и смѣшной костюмъ, и, должно полагать, въ костюмъ «Синей-Бороды», судя по всѣмъ вѣроятностямъ, судя потому, что у меня осталось въ памяти и, наконецъ, по той роли, которую мнѣ самому привелось играть въ этой сшибкѣ.

Это случилось вдругъ, самымъ смѣшнымъ образомъ, совсѣмъ неожиданно и, какъ нарочно, въ эту минуту я стоялъ на виду, не подозрѣвая зла и даже забывъ о недавнихъ моихъ предосторожностяхъ. Вдругъ я былъ выдвинутъ на первый планъ, какъ заклятый врагъ и естественный соперникъ т-г М*, какъ отчаянно, до послѣдней степени влюбленный въ жену его, въ чемъ тиранка моя тутъ же поклялась, дала слово, сказала, что у ней есть доказательства и что не далѣе, какъ, напри-мѣръ, сегодня въ лѣсу она видѣла...

Но она не успѣла договорить, я прервалъ ее въ самую отчаянную для меня минуту. Эта минута была такъ безбожно разсчитана, такъ измѣнически подготовлена къ самому концу, къ шутовской развязкѣ, и такъ уморительно смѣшно об-становлена, что цѣлый взрывъ ничѣмъ не удержи-мага, всеобщаго смѣха отсалютовалъ эту послѣд-нюю выходку. И хотя тогда же я догадался, что не на мою долю выпадала самая досадная роль,— однакожь былъ до того смущень, раздражень и

испуганъ, что, полный слезъ, тоски и отчаянiя, задыхаясь отъ стыда, прорвался чрезъ два ряда кресель, ступилъ впередъ и, обращаясь къ моей тиранкѣ, закричалъ, прерывающимся отъ слезъ и негодованiя голосомъ:

— И не стыдно вамъ... вслухъ... при всѣхъ дамахъ... говорить такую худую... неправду?!.. вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ... Что они скажутъ?.. вы— такая большая... замужня!..

Но я не докончилъ, — раздался оглушительный аплодисментъ. Моя выходка произвела настоящей figu-re. Мой наивный жестъ, мои слезы, а, главное, то, что я какъ будто выступилъ защищать m-г М*, все это произвело такой адскiй смѣхъ, что даже и теперь, при одномъ воспоминанiи, мнѣ самому становится ужасно смѣшно... Я оторопѣлъ, почти обезумѣлъ отъ ужаса и, сгорѣвъ, какъ порохъ, закрывъ лицо руками, бросился вонъ, выбилъ въ дверяхъ поднось изъ рукъ входившаго лакея и полетѣлъ на-верхъ, въ свою комнату. Я вырвалъ изъ дверей ключъ, торчавшiй наружу, и заперся изнутри. Сдѣлалъ я хорошо, потому что за мною была погоня. Не прошло минуты, какъ мои двери осадилъ цѣлая ватага самыхъ хорошенькихъ изъ всѣхъ нашихъ дамъ. Я слышалъ ихъ звонкiй смѣхъ, частый говоръ, ихъ заливавшiеся голоса; онѣ щебетали все разомъ, какъ ласточки. Все онѣ, все до одной, просили, умоляли меня отворить хоть на одну минуту; клялись, что не будетъ мнѣ ни малѣйшаго зла, а только зацѣлуютъ онѣ меня всего въ прахъ. Но... чтожь могло быть ужаснѣе еще этой новой угрозы? Я только горѣлъ отъ стыда за мою дверь, спрятавъ въ подушки лицо, и не отперъ, даже не отозвался. Онѣ еще долго стучались и молили меня, но я былъ безчувственъ и глухъ, какъ одиннадцатилѣтнiй.

Ну, что жъ теперь дѣлать? все открыто, все обнаружилось, все, что я такъ ревниво сберегалъ и тапль... На меня падеть вѣчный стыдъ и позоръ! По правдѣ, я и самъ не умѣлъ назвать того, за что такъ страшился и что хотѣлъ бы я скрыть; но вѣдь, однакожь, я страшился чего-то, за обнаруженіе этого *чего-то* я трепеталъ до сихъ поръ, какъ листочикъ. Одного только я не зналъ до этой минуты, что оно такое: годится оно, или не годится, славно или позорно, похвально или непохвально? Теперь же, въ мученіяхъ и насильной тоскѣ, узналъ, что оно *смѣшно и стыдно!* Инстинктомъ чувствовалъ я въ то же время, что такой приговоръ и ложенъ, и безчеловѣченъ, и грубъ; но я былъ разбитъ, уничтоженъ; процессъ сознанія какъ бы остановился и запутался во мнѣ; я не могъ ни противостать этому приговору, ни даже обсудить его хорошенько: я былъ отуманенъ; слышалъ только, что мое сердце безчеловѣчно, безстыдно уязвлено, и заливался безсильными слезами. Я былъ раздраженъ; во мнѣ кипѣли негодованіе и ненависть, которой доселѣ не зналъ никогда, потому что только въ первый разъ въ жизни испытать серьезное горе, оскорбленіе, обиду; и все это было дѣйствительно такъ, безъ всякихъ преувеличеній. Во мнѣ, въ ребенкѣ, было грубо затронута первое, неопытное еще, необразовавшееся чувство, былъ такъ рано обнаженъ и поруганъ первый благоуханный дѣвственный стыдъ и осмѣяно первое и, можетъ быть, очень серьезное эстетическое впечатлѣніе. Конечно, насмѣшники мои многого не знали и не предчувствовали въ моихъ мученіяхъ. На половину входило сюда одно сокровенное обстоятельство, котораго самъ я и не успѣлъ, и какъ-то пугался до сихъ поръ разбирать. Въ тоскѣ и въ отчаяніи продолжалъ я лежать на

своей постели, укрывъ въ подушки лицо; и жаръ и дрожь обливали меня попеременно. Меня мучили два вопроса: что такое видѣла и что именно могла увидеть негодная блондинка сегодня въ рошѣ, между мною и m-me M*? И наконецъ, второй вопросъ: какъ, какими глазами, какимъ средством могу я взглянуть теперь въ лицо m-me M* и не погибнуть въ ту же минуту, на томъ же мѣстѣ, отъ стыда и отчаянія.

Необыкновенный шумъ на дворѣ вызвалъ наконецъ меня изъ полубезпамятства, въ которомъ я находился. Я всталъ и подошелъ къ окну. Весь дворъ былъ загроможденъ экипажами, верховыми лошадьми и суетившимися слугами. Казалось, все уѣзжали; нѣсколько всадниковъ уже сидѣли на коняхъ; другіе гости размѣщались по экипажамъ... Тутъ вспомнилъ я о предстоявшей поѣздкѣ, и вотъ, мало-по-малу, беспокойство начало проникать въ мое сердце; я пристально началъ выглядывать на дворъ своего кленера; но кленера не было, стало быть обо мнѣ позабыли. Я не выдержалъ и опрометью побѣжалъ внизъ, ужъ не думая ни о не-приятныхъ встрѣчахъ, ни о недавнемъ позорѣ своемъ...

Грозная новость ожидала меня. Для меня на этотъ разъ не было ни верховой лошади, ни мѣста въ экипажѣ: все было разобрано, занято, и я принужденъ уступить другимъ.

Пораженный новымъ горемъ, остановился я на крыльцѣ и печально смотрѣлъ на длинный рядъ каретъ, кабриолетовъ, колясокъ, въ которыхъ не было для меня и самого маленькаго уголка, и на нарядныхъ наѣздицъ, подъ которыми гарцовали нетерпѣливые кони.

Одинъ изъ всадниковъ почему-то замѣшкался. Ждали только его, чтобъ отправиться. У подъѣзда

стоялъ конь его, грызя удила, роя копытами землю, поминутно вздрагивая и дыбась от испуга. Два конюха осторожно держали его подь уздцы и всѣ опасливо стояли отъ него въ почтительномъ отдаленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, случилось предосадное обстоятельство, по которому мнѣ нельзя было ѣхать. Кромѣ того, что наѣхали новые гости и разобрали всѣ мѣста и всѣхъ лошадей, заболѣли двѣ верховыя лошади, изъ которыхъ одна была мой клеперъ. Но не мнѣ одному пришлось пострадать отъ этого обстоятельства: открылось, что для новаго нашего гостя, того блѣднолицаго молодого человѣка, о которомъ я уже говорилъ, тоже нѣтъ верховаго коня. Чтобъ отвратить неприятность, хозяинъ нашъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: рекомендовать своего бѣшенаго, невыѣзженнаго жеребца, прибавивъ, для очистки совѣсти, что на немъ никакъ нельзя ѣздить и что его давно ужъ положили продать за дикость характера, если, впрочемъ, найдется на него покупатель. Но предупрежденный гость объявилъ, что ѣздить порядочно, да и во всякомъ случаѣ готовъ сѣсть на что угодно, только бы ѣхать. Хозяинъ тогда промолчалъ, но теперь, показалось мнѣ, что какая-то двусмысленная и лукавая улыбка бродила на губахъ его. Въ ожиданіи наѣздника, похвалившася своимъ искусствомъ, онъ самъ еще не сѣдился на свою лошадь, съ нетерпѣніемъ потиралъ руки и поминутно взглядывалъ на дверь. Даже что-то подобное сообщилось и двумъ конюхамъ, удерживавшимъ жеребца и чуть незадыхавшимся отъ гордости, видя себя предъ всей публикой при такомъ конѣ, который, нѣтъ-нѣтъ, да и убьетъ человѣка ни за-что, ни про-что. Что-то похожее на лукавую усмѣшку ихъ барина отсвѣчивалось и въ

ихъ глазахъ, выпученныхъ отъ ожиданія и тоже устремленныхъ на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться прїѣзжій смѣльчакъ. Наконецъ и самъ конь держалъ себя такъ, какъ будто тоже стоворился съ хозяиномъ и вожатыми: онъ вель себя гордо и заносчиво, словно чувствуя, что его наблюдаютъ нѣсколько десятковъ любопытныхъ глазъ и словно гордясь предъ всѣми зазорной своей репутаціей, точь въ точь, какъ иной неисправимый повѣса гордится своими висѣльными продѣлками. Казалось, онъ вызывалъ смѣльчака, который бы рѣшился посягнуть на его независимость.

Этотъ смѣльчакъ наконецъ показался. Совѣстясь, что заставилъ ждать себя, и торопливо натягивая перчатки, онъ шелъ впередъ не глядя, спустился по ступенькамъ крыльца и поднявъ глаза только тогда, когда протянулъ было руку, чтобъ схватить за холку заждавшагося коня, но вдругъ былъ озадаченъ бѣшенымъ вскокомъ его на дыбы и предупредительнымъ крикомъ всей испуганной публики. Молодой человѣкъ отступилъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дикую лошадь, которая вся дрожала, какъ листъ, храпѣла отъ злости и дико поводила налившимися кровью глазами, по минутно оседаая на заднія ноги и приподымая переднія, словно собираясь рвануться на воздухъ и унести вмѣстѣ съ собою обоихъ вожатыхъ своихъ. Съ минуту онъ стоялъ совсѣмъ озадаченный; потомъ, слегка покраснѣвъ отъ маленькаго замѣшательства, поднявъ глаза, обвелъ ихъ кругомъ и поглядѣлъ на перепугавшихся дамъ.

— Конь очень хорошій! проговорилъ онъ какъ бы про себя:— и, судя по всему, на немъ должно быть очень прїятно ѣздить, но... но, знаете что? Вѣдь я-то не поѣду, заключилъ онъ, обращаясь къ нашему хозяину съ своей широкой, простодуш-

ной улыбкой, которая такъ шла къ доброму и умному лицу его.

— И все-таки я васъ считаю превосходнымъ ѣздомъ,—клянусь вамъ, отвѣчалъ обрадованный владѣтель недоступнаго коня, горячо и даже съ благодарностью пожимая руку своего гостя:—именно за то, что вы съ перваго раза догадались, съ какимъ звѣремъ имѣете дѣло, прибавилъ онъ съ достоинствомъ.— Повѣрите ли мнѣ, я, двадцать три года прослужившій въ гусарахъ, уже три раза имѣлъ наслажденіе лежать на землѣ по его милости, то есть ровно столько разъ, сколько сядился на этого... дармоѣда. Танкредъ, другъ мой, здѣсь не по тебѣ народъ; видно твой сѣдокъ какой нибудь Илья Муромецъ, и сидитъ теперь сиднемъ въ селѣ Карачаровѣ, да ждетъ, чтобъ у тебя выпали зубы. Ну, уведите его! Полно ему людей пугать! Напрасно только выводили, заключилъ онъ, самодовольно потирая руки.

Нужно замѣтить, что Танкредъ не приносилъ ему ни малѣйшей пользы, только даромъ хлѣбѣлъ; кромѣ того, старый гусарь погубилъ на немъ всю свою бывалую ремонтерскую славу, заплативъ баснословную цѣну за негоднаго дармоѣда, который выѣзжалъ развѣ только на своей красотѣ... Все-таки теперь былъ онъ въ восторгѣ, что его Танкредъ не уронилъ своего достоинства, сбѣшилъ еще одного наѣздника и тѣмъ стяжалъ себѣ новыя, безтолковые лавры.

— Какъ, вы не ѣдете? закричала блондинка, которой непременно нужно было, чтобъ ея cavalier servant на этотъ разъ былъ при ней:— неужели вы трусите?

— Ей-Богу же такъ! отвѣчалъ молодой человекъ.

— И вы говорите серьезно?

— Послушайте, неужели жъ вамъ хочется, чтобъ я сломалъ себѣ шею?

— Такъ садитесь же скорѣй на мою лошадь: не бойтесь, она пресмирная. Мы не задержимъ; въ мигъ пересѣдлаютъ! Я попробую взять вашу; не можетъ быть, чтобъ Танкредъ всегда былъ такой неучтивый.

Сказано, — сдѣлано! Шалунья выпрыгнула изъ сѣдла и договорила послѣднюю фразу уже оставаясь передъ нами.

— Плохо жъ вы знаете Танкреда, коли думаете, что онъ позволитъ осѣдлатъ себя вашимъ негоднымъ сѣдломъ! Да и васъ я не пушчу сломать себѣ шею; это, право, было бы жалко! проговорилъ нашъ хозяинъ, аффектируя, въ эту минуту внутренняго довольства, по своей всегдашней привычкѣ, и безъ того уже аффектированную и изученную рѣзкость и даже грубость своей рѣчи, что, по его мнѣнью, рекомендовало добряка, стараго служаку и особенно должно было нравиться дамамъ. Это была одна изъ его фантазій, его любимый, всѣмъ намъ знакомый конекъ.

— Ну-тка ты, плакса, не хочешь ли попробовать? тебѣ же такъ хотѣлось ѣхать, сказала храбрая наѣздница, замѣтивъ меня и, поддразнивая, кивнула на Танкреда, — собственно для того, чтобъ не уходить ни съ чѣмъ, коли ужъ даромъ пришлось встать съ коня, и не оставить меня безъ колючаго словца, коли ужъ я самъ оплошалъ, на глаза подвернулся.

— Ты вѣрно не таковъ, какъ... ну, да что говорить, извѣстный герой и постыдишься струсить; особенно, когда на васъ будутъ смотрѣть, прекрасный пажъ, прибавила она, бѣгло взглянувъ на m-me M*, экипажъ которой былъ всѣхъ ближе отъ брыльца.

Ненависть и чувство мщенія заливали мое сердце, когда прекрасная амазонка подошла къ намъ, въ намѣреніи сѣсть на Танкреда... Но не могу рассказать, что ощутилъ я при этомъ неожиданномъ вызовѣ школьницы. Я какъ будто свѣта не взвидѣлъ, когда поймалъ ея взглядъ на m-me M*. Въ мигъ въ головѣ у меня загорѣлась идея... да, впрочемъ, это былъ только мигъ, менѣе чѣмъ мигъ, какъ вспышка пороха, или ужъ переполнилась мѣра и я вдругъ теперь возмущенъ всѣмъ воскресшимъ духомъ моимъ, да такъ, что мнѣ вдругъ захотѣлось срѣзать на-поваль всѣхъ враговъ моихъ и отмстить имъ за все и при всѣхъ, показавъ теперь, каковъ я человекъ; или, наконецъ, какимъ нибудь дивомъ научилъ меня кто нибудь въ это мгновеніе средней исторіи, въ которой я до сихъ поръ еще не зналъ ни аза, и въ закружившейся головѣ моей замелькали турниры, палладины, герои, прекрасныя дамы, звуки шпагъ, крики и плески толпы, и между всѣми этими криками одинъ робкій крикъ одного испуганнаго сердца, который нѣжить гордую душу слаще побѣды и славы, — ужъ не знаю, случился ли тогда весь этотъ вздоръ въ головѣ моей, или, толковѣе, предчувствіе этого, еще грядущаго и неизбежнаго вздора, но только я услышалъ, что бьетъ мой часъ. Сердце мое вспрыгнуло, дрогнуло и самъ ужъ не помню, какъ въ одинъ прыжокъ соскочилъ я съ крыльца и очутился подлѣ Танкреда.

— А вы думаете, что я испугаюсь? вскрикнулъ я дерзко и гордо, не взвидѣвъ свѣта отъ своей горячки, захываясь отъ волненія и покраснѣвшисъ такъ, что слезы обожгли мнѣ щеки. А вотъ, увидите! И, схватившись за холку Танкреда, я сталъ ногой въ стремя, прежде, чѣмъ успѣли сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобъ удержать меня; но въ

этотъ мигъ Танкредъ взвился на дыбы, взметнулъ головой, однимъ могучимъ скачкомъ вырвался изъ рукъ остолбенѣвшихъ конюховъ и полетѣлъ, какъ вихрь, только всѣ ахнули, да вскрикнули.

Ужь Богъ знаетъ, какъ удалось мнѣ занести другую ногу на всемъ лету; не постигаю также, какимъ образомъ случилось, что я не потерялъ поводовъ. Танкредъ вынесъ меня за рѣшетчатые ворота, круто повернулъ направо и пустился мимо рѣшетки зря, не разбирая дороги. Только въ это мгновеніе разслышалъ я за собою крикъ пятидесяти голосовъ, и этотъ крикъ отдался въ моемъ замирающемъ сердцѣ такимъ чувствомъ довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей дѣтской жизни. Вся кровь мнѣ хлынула въ голову, оглушила меня и залила, задавила мой страхъ. Я себя не помнилъ. Дѣйствительно, какъ пришлось теперь вспомнить, во всемъ этомъ было какъ будто и впрямь что-то рыцарское.

Впрочемъ, все мое рыцарство началось и кончилось менѣе, чѣмъ въ мигъ, не то рыцарю было бы худо. Да и тутъ я не знаю, какъ спастся. Ыздить-то верхомъ я умѣлъ: меня учили. Но мой клеперъ походилъ скорѣе на овцу, чѣмъ на верховаго коня. Разумѣется, я бы слетѣлъ съ Танкреда, еслибъ ему было только время сбросить меня; но, проскакавъ шаговъ пятьдесятъ, онъ вдругъ испугался огромнаго камня, который лежалъ у дороги, и шарахнулся назадъ. Онъ повернулся на лету, но такъ круто, какъ говорится, очертя голову, что мнѣ и теперь задача: какимъ образомъ я не выпрыгнулъ изъ сѣдла, какъ мячикъ, сажени на три, и не разбился въ дребезги, а Танкредъ отъ такого крутаго поворота не спелчилъ себѣ ногъ. Онъ бросился назадъ къ воро-

тамъ, яростно мотая головой, прядая изъ стороны въ сторону, будто охмѣлѣвшій отъ бѣшенства, взметывая ноги какъ попало на воздухъ и съ каждымъ прыжкомъ стрясая меня со спины, точно какъ будто на него вспрыгнулъ тигръ и вшилъ въ его мясо зубами и когтями. Еще мгновеніе — и я бы слетѣлъ; я уже падалъ; но уже нѣсколько всадниковъ летѣло спасать меня. Двое изъ нихъ перехватили дорогу въ поле; двое другихъ подскакали такъ близко, что чуть не раздавили мнѣ ногу, стиснувъ съ обѣихъ сторонъ Танкреда боками своихъ лошадей и оба уже держали его за поводья. Черезъ нѣсколько секундъ мы были у крыльца.

Меня сняли съ коня, блѣднаго, чуть дышавшаго. Я весь дрожалъ, какъ быльвнка подъ вѣтромъ, также, какъ и Танкредъ, который стоялъ, упираясь всѣмъ тѣломъ назадъ, неподвижно, какъ будто врывшись копытами въ землю, тяжело выпуская пламенное дыханіе изъ красныхъ, дымящихся ноздрей, весь дрожа, какъ листъ, мелкой дрожью и словно остолбенѣвъ отъ оскорбленія и злости за ненаказанную дерзость ребенка. Кругомъ меня раздавались крики смятенія, удивленія, испуга.

Въ эту минуту блуждавшій взглядъ мой встрѣтился со взглядомъ м-ше М*, встревоженной, поблѣднѣвшей и — я не могу забыть этого мгновенія — вмигъ все лицо мое облилось румянцемъ, зардѣлось, загорѣлось, какъ огонь; я ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось, но, смущенный и испуганный собственнымъ своимъ ощущеніемъ, я робко опустилъ глаза въ землю. Но мой взглядъ былъ замѣченъ, пойманъ, украденъ у меня. Всѣ глаза обратились къ м-ше М* и, застигнутая всеобщимъ вниманіемъ въ расплѣхъ, она вдругъ сама, какъ дитя, покраснѣлась отъ какого-то противовольнаго и наивнаго чувства и черезъ силу, хотя весьма

неудачно, старалась подавить свою краску смѣхомъ...

Все это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смѣшно; но въ это мгновеніе одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня отъ всеобщаго смѣха, придавъ особый колоритъ всему приключенію. Виновница всей суматохи, та, которая до сихъ поръ была непримиримымъ врагомъ моимъ, прекрасная тиранка моя, вдругъ бросилась ко мнѣ обнимать и цѣловать меня. Она смотрѣла, не вѣря глазамъ своимъ, когда я осмѣлился принять ее вывозъ и поднять перчатку, которую она бросила мнѣ, взглянувъ на ш-те М*. Она чуть не умерла за меня отъ страха и укоровъ совѣсти, когда я леталъ на Танкредѣ; теперь же, когда все было кончено, и особенно, когда она поймала, вмѣстѣ съ другими, мой взглядъ, брошенный на ш-те М*, мое смущеніе, мою внезапную краску, когда, наконецъ, удалось ей придать этому мгновенію, по романтическому настроенію своей легкодумной головки, какую-то новую, потаенную, недосказанную мысль,—теперь, послѣ всего этого, она пришла въ такой восторгъ отъ моего «рыцарства», что бросилась ко мнѣ и прижала меня къ груди своей, растроганная, гордая за меня, радостная. Черезъ минуту она подняла на всѣхъ толпившихся около насъ обонхъ самое наивное, самое строгое личико, на которомъ дрожали и свѣтились двѣ маленькія, хрустальныя слезинки и серьезнымъ, важнымъ голоскомъ, какого отъ нея никогда не слыхали, сказала, указавъ на меня: «*Mais ces très sérieux, messieurs, ne riez pas!*» не замѣчая того, что всѣ стоятъ передъ нею, какъ замороженные, залюбовавшись на ея свѣтлый восторгъ. Все это неожиданное, быстрое движеніе ея, это серьезное личико, эта простодушная наивность, эти неподозрѣваемые до

сихъ поръ сердечныя слезы, накинѣвшія въ ея вѣчно-смѣющихся глазкахъ, были въ ней такимъ неожиданнымъ дивомъ, что всѣ стояли передъ нею какъ будто наэлектризирванныя ея взглядомъ, скорымъ, огненнымъ словомъ и жестомъ. Казалось, никто не могъ свести съ нея глазъ, боясь опустить эту рѣдкую минуту въ ея вдохновенномъ лицѣ. Даже самъ хозяинъ нашъ покраснѣлъ, какъ тюльпанъ, и увѣряють, будто бы слышали, какъ онъ потомъ признавался, что, «къ стыду своему», чуть ли не цѣлую минуту былъ влюбленъ въ свою прекрасную гостью. Ну ужъ, разумѣется, что послѣ всего этого я былъ рыцарь, герой.

— Делоржъ! Тогенбургъ! раздавалось кругомъ. Послышались рукоплесканія.

— Ай да грядущее поколѣнїе! прибавилъ хозяинъ.

— Но онъ поѣдетъ, онъ непременно поѣдетъ съ нами! закричала красавица: — мы найдемъ и должны найти ему мѣсто. Онъ сядетъ рядомъ со мною, ко мнѣ на колѣни... иль нѣтъ, нѣтъ! я ошиблась!.. поправила она, захохотавъ и будучи не въ силахъ удержать своего смѣха при воспоминаніи о нашемъ первомъ знакомствѣ. Но, хохоча, она нѣжно гладила мою руку, всѣми силами старалась меня заласкать, чтобъ я не обидѣлся.

— Непремѣнно! не премѣнно! подхватили нѣсколько голосовъ: онъ долженъ ѣхать, онъ завоевалъ себѣ мѣсто.

И мигомъ разрѣшилось дѣло. Та самая старая дѣва, которая познакомила меня съ блондишкой, тотчасъ же была засыпана просьбами всей молодежи остаться дома и уступить мнѣ свое мѣсто, на что и принуждена была согласиться, къ своей величайшей досадѣ, улыбаясь и въ-тихомолку шипя отъ злости. Ея протектрисса, около которой ви-

тала она, мой бывший врагъ и недавній другъ, кричала ей, уже галопируя на своемъ рѣзвомъ конѣ и хохоча, какъ ребенокъ, что завидуетъ ей и сама бы рада была съ ней остаться, потому что сейчасъ будетъ дождь и насъ всѣхъ перемочить.

И она точно напророчила дождь. Черезъ часъ поднялся цѣлый ливень и прогулка наша пропала. Пришлось переждать нѣсколько часовъ сряду въ деревенскихъ избахъ и возвращаться домой уже въ десятомъ часу, въ сырое, послѣ-дождевое время. У меня началась маленькая лихорадка. Въ ту самую минуту, какъ надо было садиться и ѣхать м-ше М*, подошла ко мнѣ и удивилась, что я въ одной курточкѣ и съ открытой шеей. Я отвѣчалъ, что не успѣлъ захватить съ собою плаща. Она взяла булавку и, зашпиливъ повыше сборчатый воротничекъ моей рубашки, сняла съ своей шеи газовый, пунцовый платочекъ и обвязала мнѣ шею, чтобъ я не простудилъ горла. Она такъ торопилась, что я даже не успѣлъ поблагодарить ее.

Но когда приѣхали домой, я отыскалъ ее въ маленькой гостинной, вмѣстѣ съ блондинкой и съ блѣднлицымъ молодымъ человѣкомъ, который стяжалъ сегодня славу наѣздника тѣмъ, что побоялся сѣсть на Танкреда. Я подошелъ благодарить и отдать платокъ. Но теперь, послѣ всѣхъ моихъ приключеній, мнѣ было какъ будто чего-то совѣстно; мнѣ скорѣе хотѣлось уйти на верхъ, и тамъ, на досугѣ, что-то обдумать и разсудить. Я былъ переполненъ впечатлѣніями. Отдавая платокъ, я, какъ водится, покраснѣлъ до ушей.

— Бьюсь объ закладъ, что ему хотѣлось удержатъ платокъ у себя, сказала молодой человѣкъ, засмѣявшись: — по глазамъ видно, что ему жаль расстаться съ вашимъ платкомъ.

— Именно, именно такъ! подхватила блондинка. — Экой! ахъ!.. проговорила она съ примѣтной досадой и покачавъ гологой, но остановилась во время передъ серьезнымъ взглядомъ m-me M*, которой не хотѣлось заводить далеко шутки.

Я поскорѣе отошелъ.

— Ну, какой же ты! заговорила школьница, нагнавъ меня въ другой комнатѣ и, дружески взявъ за обѣ руки:— да ты бы просто не отдавалъ косянки, если тебѣ такъ хотѣлось имѣть ее. Сказалъ, что гдѣ нибудь положилъ, и дѣло съ концомъ. Какой же ты! этого не умѣлъ сдѣлать! Экой смѣшной!

И тутъ она слегка ударила меня пальцемъ по подбородку, засмѣявшись тому, что я покраснѣлъ какъ макъ.

— Вѣдь я твой другъ теперь,— такъ ли? Кончена ли наша вражда, а? да, или нѣтъ?

Я засмѣялся и, молча, пожалъ ея пальчики.

— Ну, то-то же!... Отчего ты такъ теперь блѣденъ и дрожишь? У тебя ознобъ?

— Да, я нездоровъ.

— Ахъ, бѣдняжка! это у него отъ сильныхъ впечатлѣній! Знаешь что? иди-ка лучше спать, не дожидаясь ужина, и за ночь пройдетъ. Пойдемъ.

Она отвела меня на верхъ и, казалось, уходямъ за мною не будетъ конца. Оставивъ меня раздѣваться, она сбѣжала внизъ, достала мнѣ чаю и принесла его сама, когда уже я улегся. Она принесла мнѣ тоже теплое одѣяло. Меня очень поразили и растрогали всѣ эти уходы и заботы обо мнѣ, или ужъ я былъ такъ настроенъ цѣлымъ днемъ, поѣздкой, лихорадкой; но, прощаясь съ нею, я крѣпко и горячо ее обнялъ, какъ самаго нѣжнаго, какъ самаго близкаго друга, и ужъ тутъ всѣ впечатлѣнія разомъ прихлынули къ моему ослабѣв-

шему сердцу; я чуть не плакалъ, прижавшись къ груди ея. Она замѣтила мою впечатлительность и, кажется, моя шалунья сама была немного тронута...

— Ты предобрый мальчикъ, прошептала она, смотря на меня тихими глазками:—пожалуйста же не сердись на меня, а? не будешь?

Словомъ, мы стали самыми нѣжными, самыми вѣрными друзьями.

Было довольно рано, когда я проснулся, но солнце заливало уже яркимъ свѣтомъ всю комнату. Я вскочилъ съ постели, совершенно здоровый и бодрый, какъ будто и не бывало вчерашней лихорадки, вмѣсто которой теперь ощущалъ я въ себѣ неизъяснимую радость. Я вспомнилъ вчерашнее и почувствовалъ, что отдалъ бы цѣлое счастье, еслибъ могъ въ эту минуту обняться, какъ вчера, съ моимъ новымъ другомъ, съ бѣлокурой нашей красавицей; но еще было очень рано и всѣ спали. Наскоро одѣвшись, сошелъ я въ садъ, а оттуда въ рощу. Я пробирался туда, гдѣ гуще зелень, гдѣ смолистѣе запахъ деревьевъ и куда веселѣе заглядывалъ солнечный лучъ, радуясь, что удалось тамъ и сямъ пронизать мгlistую густоту листьевъ. Было прекрасное утро.

Незамѣтно пробираясь все далѣе и далѣе, я вышелъ наконецъ на другой край рощи, къ Москвѣрѣбѣ. Она текла шаговъ двѣсти впереди, подь горою. На противоположномъ берегу косили сѣно. Я засмотрѣлся, какъ цѣлые ряды острыхъ кося, съ каждымъ взмахомъ косяца, дружно обливались свѣтомъ, и потомъ вдругъ опять исчезали, какъ огненные змѣйки, словно куда прятались; какъ срѣзанная съ корня трава, густыми, жирными грудками отлетала въ стороны и укладывалась въ прямья, длинныя борозды. Ужь не помню, сколько

времени провель я въ созерцаніи, какъ вдругъ очнулся, разслышавъ въ рощѣ, шагахъ отъ меня въ двадцати, въ просѣкѣ, которая пролегала отъ большой дороги къ господскому дому, храпъ и нетерпѣливый топотъ коня, рывшаго копытомъ землю. Не знаю, слышала ли я этого коня тотчасъ же, какъ подѣхалъ и остановился всадникъ, или ужъ долго мнѣ слышался шумъ, но только напрасно щекоталъ мнѣ ухо, безсильный оторвать меня отъ моихъ мечтаній. Съ любопытствомъ вошелъ я въ рощу и, пройдя нѣсколько шаговъ, услышалъ голоса, говорившіе скоро, но тихо. Я подошелъ еще ближе, бережно раздвинулъ послѣднія вѣтви послѣднихъ кустовъ, окаймлявшихъ просѣку, и тотчасъ же отпрянулъ назадъ въ изумленіи: въ глазахъ моихъ мелькнуло бѣлое знакомое платье и тихій женскій голосъ отдался въ моемъ сердцѣ, какъ музыка. Это была м-ше М*. Она стояла возлѣ всадника, который торопливо говорилъ ей съ лошади и, къ моему удивленію, я узналъ въ немъ Н—го, того молодого человѣка, который уѣхалъ отъ насъ еще вчера по-утру и о которомъ такъ хлопоталъ м-г М*. Но тогда говорили, что онъ уѣзжаетъ куда-то очень далеко, на югъ Россіи, а потому я очень удивился, увидѣвъ его опять у насъ такъ рано и одного съ м-ше М*.

Она была одушевлена и взволнована, какъ никогда еще я не видалъ ее, и на щекахъ ея свѣтились слезы. Молодой человѣкъ держалъ ее за руку, которую цѣловалъ, нагибаясь съ сѣдла. Я засталъ уже минуту прощанья. Кажется, они торопились. Наконецъ онъ вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ, отдалъ его м-ше М*, обнялъ ее одною рукою, какъ и прежде, не сходя съ лошади, и поцѣловалъ крѣпко и долго. Мгновеніе спустя, онъ ударилъ коня и промчался мимо меня,

какъ стрѣла. М-те М* нѣсколько секундъ провожала его глазами, потомъ задумчиво и уныло направилась къ дому. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по просѣлкѣ, вдругъ какъ будто очнулась, торопливо раздвинула кусты и пошла черезъ рощу.

Я пошелъ велѣдъ за нею, смятенный и удивленный всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ. Сердце мое билось крѣпко, какъ отъ испуга. Я былъ какъ оцѣпенѣлый, какъ отуманенный; мысли мои были разбиты и разсыяны; но помню, что было мнѣ отъ чего-то ужасно грустно. Изрѣдка мелькало передо мною, сквозь зелень, ея бѣлое платье. Маниакально слѣдовалъ я за нею, не упуская ея изъ вида, но трепеща, чтобъ она меня не замѣтила. Наконецъ она вышла на дорожку, которая вела въ садъ. Переждавъ съ полминуты, вышелъ и я; но каково же было мое изумленіе, когда вдругъ замѣтилъ я, на красномъ пескѣ дорожки, запечатанный пакетъ, который узналъ съ перваго взгляда,—тотъ самый, который, десять минутъ назадъ, былъ врученъ м-те М*.

Я поднялъ его: со всѣхъ сторонъ бѣлая бумага, никакой подписи; на взглядъ—небольшой, но тугой и тяжелый, какъ будто въ немъ было листа три и болѣе почтовой бумаги.

Что значитъ этотъ пакетъ? Безъ сомнѣнія, имъ объяснилась бы вся эта тайна. Можетъ быть, въ немъ досказано было то, чего не надѣялся высказать Н—ой за короткостью торопливаго свиданія. Онъ даже не сходилъ съ лошади... Торопился ли онъ, или, можетъ быть, боялся измѣнить себѣ въ часъ прощанія,—Богъ знаетъ...

Я остановился, не выходя на дорожку, бросилъ на нее пакетъ на самое видное мѣсто и не спускалъ съ него глазъ, полагая, что м-те М* замѣтитъ потерю, воротится, будетъ искать. Но,

прождавъ минуты четыре, я не выдержалъ, поднялъ опять свою находку, положилъ въ карманъ и пустился догонять m-me M*. Я настигъ ее уже въ саду, въ большой аллеѣ; она шла прямо домой, скорой и торопливой походкой, но задумавшись и потупивъ глаза въ землю. Я не зналъ, что дѣлать. Подойти, отдать? Это значило сказать, что я знаю все, видѣлъ все. Я измѣнилъ бы себѣ съ перваго слова. И какъ я буду смотрѣть на нее? Какъ она будетъ смотрѣть на меня?.. Я все ожидалъ, что она опомнится, хватится потеряннаго, воротится по слѣдамъ своимъ. Тогда бы я могъ, незамѣченный, бросить пакетъ на дорогу и она бы нашла его. Но нѣтъ! Мы уже подходили къ дому; ее уже замѣтили...

Въ это утро, какъ нарочно, почти всѣ поднялись очень рано, потому что еще вчера, вслѣдствіе неудавшейся поѣздки, задумали новую, о которой я и не зналъ. Всѣ готовились къ отъѣзду и завтракали на террасѣ. Я переждалъ минутъ десять, чтобъ не видѣли меня съ m-me M*, и обойдя садъ, вышелъ къ дому съ другой стороны, гораздо послѣ нея. Она ходила взадъ и впередъ по террасѣ, блѣдная и встревоженная, скрестивъ на груди руки и, по всему было видно, крѣпясь и усиливаясь подавить въ себѣ мучительную, отчаянную тоску, которая такъ и вычитывалась въ ея глазахъ, въ ея ходьбѣ, во всякомъ движеніи. Иногда сходила она со ступенекъ и проходила нѣскольکو шаговъ между клумбами по направленію къ саду; глаза ея нетерпѣливо, жадно, даже неосторожно искали чего-то на пескѣ дорожекъ и на полу террасы. Не было сомнѣнія: она хватилась потери и, кажется, думаетъ, что обронила пакетъ гдѣ нибудь здѣсь, около дома, — да, это такъ, и она въ этомъ увѣрена!

Кто-то, а затѣмъ и другіе, замѣтили, что она блѣдна и встревожена. Посыпались вопросы оздоровья, досадныя сѣтованія; она должна была отшучиваться, смѣяться, казаться веселою. Изрѣдка взглядывала она на мужа, который стоялъ въ концѣ террасы, разговаривая съ двумя дамами, и та же дрожь, то же смущеніе, какъ и тогда, въ первый вечеръ пріѣзда его, охватывали бѣдную. Засунувъ руку въ карманъ и крѣпко держа въ ней пакетъ, я стоялъ поодаль отъ всѣхъ, моля судьбу, чтобъ м-ше М* меня замѣтила. Миѣ хотѣлось ободрить, успокоить ее, хоть бы только взглядомъ; сказать ей что-нибудь мелькомъ, украдкой. Но когда она случайно взглянула на меня, я вздрогнулъ и потупилъ глаза.

Я видѣлъ ея мученія и не ошибся. Я до сихъ поръ не знаю тайны, ничего не знаю, кромѣ того, что самъ видѣлъ и что сейчасъ рассказалъ. Эта связь, можетъ быть, не такова, какъ о ней предположить можно съ перваго взгляда. Можетъ быть, этотъ поцѣлуй былъ прощальный, можетъ быть, онъ былъ послѣднею, слабой наградой за жертву, которая была принесена ея спокойствію и чести. Н—ой уѣзжалъ; онъ оставлялъ ее, можетъ быть, навсегда. Наконецъ, даже письмо это, которое я держалъ въ рукахъ,—кто знаетъ, что оно заключало? Какъ судить и кому осуждать? А между тѣмъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, внезапное обнаруженіе тайны было бы ужасомъ, громовымъ ударомъ въ ея жизни. Я еще помню лицо ея въ ту минуту: нельзя было больше страдать. Чувствовать, знать, быть увѣренной, ждать, какъ казни, что черезъ четверть часа, черезъ минуту могло быть обнаружено все, пакетъ кѣмъ нибудь найденъ, поднять; онъ безъ надписи, его могутъ вскрыть, а тогда... что тогда? Какая казнь ужас-

нѣе той, которая ее ожидаетъ? Она ходила между будущахъ судей своихъ. Черезъ минуту, ихъ улыбавшіеся, льстивыя лица будутъ грозны и неумолимы. Она прочтетъ насмѣшку, злость и ледяное презрѣніе на этихъ лицахъ, а потомъ настанетъ вѣчная, безразсвѣтная ночь въ ея жизни... Да, я тогда не понималъ всего этого такъ, какъ теперь объ этомъ думаю. Могъ я только подозрѣвать и предчувствовать, да болѣть сердцемъ за ея опасность, которую даже не совсѣмъ сознавалъ. Но, что бы ни заключалось въ ея тайнѣ,—тѣми скорбными минутами, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыхъ никогда не забуду, было искуплено многое, если только нужно было что-нибудь искупить.

Но вотъ раздался веселый призывъ къ отъѣзду; всѣ радостно зашевелились; со всѣхъ сторонъ раздался рѣзвый говоръ и смѣхъ. Черезъ двѣ минуты терраса опустѣла. М-ме М* отказалась отъ поѣздки, сознавшись, наконецъ, что она нездорова. Но, слава Богу, всѣ отправились, всѣ торопились, и докучать сѣтованіями, разспросами и совѣтами, было некогда. Немногіе оставались дома. Мужъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она отвѣчала, что сегодня же будетъ здорова, чтобъ онъ не беспокоился, что ложиться ей не для чего, что она пойдетъ въ садъ, одна... со мною... Тутъ она взглянула на меня. Ничего не могло быть счастливѣе! Я покраснѣлъ отъ радости; черезъ минуту мы были въ дорогѣ.

Она пошла по тѣмъ самымъ аллеямъ, дорожкамъ и тропинкамъ, по которымъ недавно возвращалась изъ рощи, инстинктивно припоминая свой прежній путь, неподвижно смотря передъ собою, не отрывая глазъ отъ земли, ища на ней, не отвѣчая мнѣ, можетъ быть забывъ, что я иду вмѣстѣ съ нею.

Но когда мы дошли почти до того мѣста, гдѣ я поднялъ письмо и гдѣ кончалась дорожка, м-ме М* вдругъ остановилась, и слабымъ, замирающимъ отъ тоски голосомъ сказала, что ей хуже, что она пойдетъ домой. Но, дойдя до рѣшетки сада, она остановилась опять, подумала съ минуту; улыбка отчаянія показалась на губахъ ея и, вся обезпеченная, измученная, рѣшившись на все, покорившись всему, она, молча, воротилась на первый путь, въ этотъ разъ позабывъ даже предупредить меня...

Я разрывался отъ тоски и не зналъ, что дѣлать.

Мы пошли или, лучше сказать, я привелъ ее къ тому мѣсту, съ котораго услышалъ, часъ назадъ, топотъ коня и ихъ разговоръ. Тутъ, вблизи густаго вяза, была скамья, изсѣченная въ огромномъ цѣльномъ камнѣ, вокругъ котораго обвивался плющъ и росли полевой жасминъ и шиповникъ. (Вся эта рощица была усеяна мостиками, бесѣдками, гротами и тому подобными сюрризами). М-ме М* сѣла на скамейку, безознательно взглянувъ на дивный пейзажъ, разстилавшійся передъ нами. Черезъ минуту она развернула книгу и неподвижно приковалась къ ней, не перелистывая страницъ, не читая, почти не сознавая, что дѣлаетъ. Было уже половина десятаго. Солнце взошло высоко, и пышно плыло надъ нами, по синему, глубокому небу, казалось, расплавляясь въ собственномъ огнѣ своемъ. Косари ушли уже далеко; ихъ едва было видно съ нашего берега. За ними неотвязчиво ползли безконечныя борозды скошенной травы, и изрѣдка чуть шевелившійся вѣтерокъ вѣялъ на насъ ея благовонной испариной. Кругомъ стоялъ неумолкаемый концертъ тѣхъ, которые «не жнутъ и не сѣютъ», а своевольны, какъ воздухъ, расфѣкаемый ихъ рѣзвыми крыльями. Казалось, что въ это мно-

веніе каждый цвѣтокъ, послѣдняя былинка, курясь жертвеннымъ ароматомъ, говорили Создавшему ее: «Отецъ! я блаженна и счастлива»!...

Я взглянулъ на бѣдную женщину, которая, одна, была, какъ мертвецъ, среди всей этой радостной жизни: на рѣсницахъ ея неподвижно остановились двѣ крупныя слезы, вытравленныя острою болью изъ сердца. Въ моей власти было оживить и осчастливить это бѣдное, замиравшее сердце и я только не зналъ, какъ приступить къ тому, какъ сдѣлать первый шагъ. Я мучился. Сто разъ порывался я подойти къ ней, и каждый разъ, какъ огонь, горѣло лицо мое.

Вдругъ одна свѣтлая мысль озарила меня. Средство было найдено; я воскресъ.

— Хотите, я вамъ букетъ нарву! сказалъ я такимъ радостнымъ голосомъ, что м-те М* вдругъ подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Принеси, проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ, чуть-чуть улыбнувшись и тотчасъ-же опять опутивъ глаза въ книгу.

— А то и здѣсь, пожалуй, скосятъ траву и nebude цвѣтовъ! закричалъ я, весело пускаясь въ походъ.

Скоро я набралъ мой букетъ, простой, бѣдный. Его бы стыдно было внести въ комнату; но какъ весело билось мое сердце, когда я собиралъ и везалъ его! Шиповнику и полеваго жасмина взялъ я еще на мѣстѣ. Я зналъ, что недалеко есть нива съ дозрѣвшею рожью. Туда я сбѣгалъ за васильками. Я перемѣшалъ ихъ съ длинными колосьями ржи, выбравъ самые золотые и тучные. Тутъ же, недалеко, попалось мнѣ цѣлое гнѣздо незабудокъ, и букетъ мой уже начиналъ наполняться. Далѣе, въ полѣ, нашлись синіе колокольчики и полевая гвоздика, а за водяными, желтыми лиліями сбѣ-

галь я на самое побережье рѣки. Наконецъ, уже возвращаясь на мѣсто и зайдя на мигъ въ рощу, чтобъ промыслить нѣсколько яркозеленыхъ, лапчатыхъ листьевъ клена и обернуть ими букетъ, я случайно набрелъ на цѣлое семейство анютиныхъ глазокъ, вблизи которыхъ, на мое счастье, ароматный фіалковый запахъ обличалъ, въ сочной, густой травѣ, притаившійся цвѣтокъ, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы. Букетъ былъ готовъ. Я перевязалъ его длинной, тонкой травой, которую свилъ въ бичеву, и во внутрь, осторожно, вложилъ письмо, прикрывъ его цвѣтами,—но такъ, что его очень можно было замѣтить, если хоть маленькимъ вниманіемъ подарятъ мой букетъ.

Я понесъ его къ м-ше М*.

Дорогой показалось мнѣ, что письмо лежитъ слишкомъ на виду: я побольше прикрылъ его. Подойдя еще ближе, я вдвинулъ его еще плотнѣе въ цвѣты и, наконецъ, уже почти дойдя до мѣста, вдругъ сунулъ его такъ глубоко во внутрь букета, что уже ничего не было примѣтно снаружи. На щекахъ моихъ горѣло цѣлое пламя. Мнѣ хотѣлось закрыть руками лицо и тотчасъ бѣжать, но она взглянула на мои цвѣты такъ, какъ будто совсѣмъ позабыла, что я пошелъ набирать ихъ. Машинально, почти не глядя, протянула она руку и взяла мой подарокъ, но тотчасъ же положила его на скамью, какъ будто я затѣмъ и передавалъ ей его, и снова опустила глаза въ книгу, точно была въ забытїи. Я готовъ былъ плакать отъ неудачи. «Но только бъ мой букетъ былъ возлѣ нея», думалъ я, «только бы она о немъ не забыла!» Я легъ неподалеку на траву, положилъ подъ голову правую руку и закрылъ глаза, будто меня одолѣвалъ сонъ. Но я не спускалъ съ нея глазъ и ждалъ...

Прошло минутъ десять; мнѣ показалось, что она

Мален. герой.

все больше и больше блѣднѣла... Вдругъ благо-
словенный случай пришелъ мнѣ на помощь.

Это была большая, золотая пчела, которую при-
несъ добрый вѣтерокъ, мнѣ на счастье. Она по-
жужжала сперва надъ моею головою и потомъ под-
летѣла къ м-ме М*. Та отмахнулась было рукою
одинъ и другой разъ, но пчела, будто нарочно,
становилась все неотвязчивѣе. Наконецъ м-ме М*
схватила мой букетъ и махнула имъ передъ собою.
Въ этотъ мигъ пакетъ вырвался изъ подъ цвѣтовъ
и уналъ прямо въ раскрытую книгу. Я вздрогнулъ.
Нѣкоторое время м-ме М* смотрѣла, цѣмая отъ
изумленія, то на пакетъ, то на цвѣты, которые
держала въ рукахъ и, казалось, не вѣрила глазамъ
своимъ... Вдругъ она покраснѣла, вспыхнула и
взглянула на меня. Но я уже перехватилъ ея
взглядъ и крѣпко закрылъ глаза, притворяясь спа-
щимъ; ни за что въ мирѣ я бы не взглянулъ те-
перь ей прямо въ лицо. Сердце мое замирало и
билося, словно пташца, попавшая въ лапки кудря-
ваго, деревенскаго мальчугана. Не помню, сколько
времени пролежалъ я, закрывъ глаза: минуты двѣ,
три. Наконецъ я осмѣлился ихъ открыть. М-ме
М* жадно читала письмо и, по разгорѣвшимся ея
щекамъ, по сверкавшему, слезящемуся взгляду, по
свѣтлому лицу, въ которомъ каждая черточка тре-
петала отъ радостнаго ощущенія, я догадался, что
счастье было въ этомъ письмѣ и что развѣяна,
какъ дымъ, вся тоска ея. Мучительно сладкое чув-
ство присосалось къ моему сердцу, тяжело было
мнѣ притворяться...

Никогда не забуду я этой минуты!

— Вдругъ, еще далеко отъ насъ, послышались
голоса:

— М-me М*! Natalie! Natalie!

М-me М* не отвѣчала, но быстро поднялась со

скамьи, подошла ко мнѣ и наклонилась надо мною. Я чувствовалъ, что она смотритъ мнѣ прямо въ лицо. Рѣсницы мои задрожали, но я удержался и не открылъ глазъ. Я старался дышать ровнѣе и спокойнѣе, но сердце задушало меня своими смятенными ударами. Горячее дыханіе ея палило мои щеки; она близко, близко нагнулась къ лицу моему, словно испытывая его. Наконецъ поцѣлуй и слезы упали на мою руку, на ту, которая лежала у меня на груди. И два раза она поцѣловала ее.

— Natalie! Natalie! гдѣ ты? послышалось снова, уже очень близко отъ насъ.

— Сей-часъ! проговорила m-me M* своимъ густымъ, серебристымъ голосомъ, но заглушеннымъ и дрожавшимъ отъ слезъ, и такъ тихо, что только я одинъ могъ слышать ея — сей-часъ!

Но въ этотъ мигъ сердце, наконецъ, измѣнило мнѣ и, казалось, выслало всю свою кровь мнѣ въ лицо. Въ тотъ же мигъ, скорый, горячій поцѣлуй обжогъ губы. Я слабо вскрикнулъ, открылъ глаза, но тотчасъ же на нихъ упалъ вчерашній газовый платочекъ ея, — какъ будто она хотѣла закрыть меня имъ отъ солнца. Мгновеніе спустя, ея уже не было. Я слышалъ только шелестъ торопливо удалявшихся шаговъ. Я былъ одинъ.

Я сорвалъ съ себя ея косынку и цѣловалъ ее, не помня себя отъ восторга; нѣсколько минутъ я былъ, какъ безумный!.. Едва переводя духъ, облокотясь на траву, глядѣлъ я, бессознательно и неподвижно, передъ собою, на окрестные холмы, пестрѣвшіе нивами, на рѣку, извиристо обтекавшую ихъ, и далеко, какъ только могъ слѣдить глазъ, вьющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, какъ точки по всей, залитой свѣтомъ, дали,—на синіе, чуть видѣвшіеся лѣса, какъ будто курившіеся на краю раскаленного неба, и какое-

то сладкое затишье, будто навѣянное торжественною тишиною картины, мало-по-малу смирило мое возмущенное сердце. Мнѣ стало легче и я вздохнулъ свободнѣе... Но вся душа моя какъ-то глухо и сладко томилась, будто прозрѣніемъ чего-то, будто какимъ-то предчувствіемъ. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганнымъ сердцемъ моимъ, слегка трепетавшимъ отъ ожиданія... И вдругъ грудь моя заколебалась, заняла, словно отъ чего-то пронзившаго ее, и слезы, сладкія слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Я закрылъ руками лицо и, весь трепеща, какъ былинка, невозбранно отдался первому сознанію и откровенію сердца, первому, еще неясному прозрѣнію природы моей... Первое дѣйство мое кончилось съ этимъ мгновеніемъ.

.....
Когда, черезъ два часа, я воротился домой, то не нашелъ уже m-me M*: Она уѣхала съ мужемъ въ Москву, по какому-то внезапному случаю. Я уже никогда болѣе не встрѣчался съ нею.

третьемъ томѣ) и сочиненія **Вс. В. Крестовскаго**, (съ портретомъ автора).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комингъ», и комедія «Ипохондрикъ» соч. **А. О. Иисемскаго**.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Винувата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя», соч. **А. О. Иисемскаго**.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотницья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческой грѣхъ», соч. **А. О. Иисемскаго**.

Въ четвертый: поэмы, лирическіе стихи, сказки, повѣсти и рассказы, **Вс. В. Крестовскаго**. Первый томъ его сочиненій, (напечатанъ вторымъ изданіемъ.)

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маркера», «Люцернъ» изъ записокъ князя Д. Нехлюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Мятель», «Поликушка», «Казакъ», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ седьмой: «Записки изъ мертвого дома», въ новомъ полномъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣдные люди», «Бѣлыя ночи» и «Честный воръ», соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ», «Скверный анекдотъ», и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ девятый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Неточка Незванова», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Ирокъ», новый романъ, написанный для этого изданія и нигдѣ еще не напечатанный, соч. **Ф. М. Достоевскаго**.

Въ десятый: «Петербургскія трущобы», романъ въ шести частяхъ, соч. **Вс. В. Крестовскаго**. (Второй томъ его сочиненій).

Въ одиннадцатый: «Взбаломученное море» романъ въ шести частяхъ, вновь просмотрѣнный, исправленный и дополненный

самимъ авторомъ. — «*Батька*», рассказъ, — «*Записки чорта*», — «*Застѣпаніе*» рассказъ, — «*Путевыя очерки: Астрахань, Армяне, Татары, Калмыки, Бирючья коса, Баку, Тюкь-караганскій полуостровъ и Тюлень острова*». — «*Записки Салакушки*», «*Русскіе луны*» очерки и «*Самоуправцы*» трагедія, соч. А. О. Писемскаго, (четвертый томъ его сочиненій).

Въ двѣнадцатый: «*Варшавскія катакомбы*», «*Петербургскіе золотопромышленники*», очеркъ, — «*Фотографическія карточки петербургской жизни*», очерки, — «*Петербургскіе тины*» очерки, и *всѣ сочиненія*, въ прозѣ и стихахъ, написанныя съ 1862 г. до Ноября 1867 года Всеволодомъ Крестовскимъ. (Третій томъ его сочиненій).

Въ тринадцатый: Всѣ сочиненія Грибоѣдова, Дмитріева и Батюшкова, въ новомъ, просмотрѣнномъ видѣ.

Въ четырнадцатый: „*Тамарина*“, романъ въ трехъ повѣстяхъ: 1) *Варяныя*, — 2) *Записки Тамарина*, — 3) *Ивановъ*; вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. „*Ясные дни*“ Идиллія, „*Горы*“ рассказъ, „*Деревенскій визитъ*“ анекдотъ, „*Нынѣшняя любовь*“ повѣсть, и «*Поѣздка на кумысъ и письма съ дороги*“, соч. М. В. Авдѣева.

Въ пятнадцатый: „*Подводный камень*“, романъ въ двухъ частяхъ, вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. — „*Огненный змій*“, рассказъ, — «*Дорожныя замѣтки*» изъ поѣздки на Кавказъ, — «*Порядочный человекъ*» повѣсть, — «*Письма изъ за границы*», — «*На дорогѣ*» повѣсть, — соч. М. В. Авдѣева.

Въ шестнадцатый: Всѣ сочиненія Фонъ-Визина и Капниста, въ новомъ, просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ.

Въ семнадцатый: Всѣ сочиненія князя В. О. Одоевскаго, вновь просмотрѣнные и исправленные самимъ авторомъ.

Въ восемнадцатый и девятнадцатый: Всѣ сочиненія Ломоносова и Карамзина, въ новомъ, просмотрѣнномъ изданіи.

Въ двадцатый: Всѣ сочиненія О. М. Достоевскаго, написанныя съ 1866 по 1869 годъ. (Четвертый томъ его сочиненій).

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома три р., а по продолжающейся на изданіе это подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится три р. с. за послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «*Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ*», и предоставляется подписчику право получать какъ вышедшіе, такъ и *всѣ* имѣющіе выйдти въ свѣтъ выпуски этого изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.

